Бывший

Автор:
Ульяна Соболева

Бывший

Ульяна Соболева

Бывший муж Вероники неожиданно вернулся из заграницы. Он богат, успешен, у него престижная работа, а она влачит жалкое существование, перебиваясь с зарплаты до зарплаты. Растит его дочерей-близнецов, о существовании которых тот даже не подозревает, потому что бросил ее много лет назад без объяснений. Она думала, что забыла его после всей боли, что он ей причинил... Но он вернулся и ей страшно, что он снова разрушит им жизнь. В оформлении обложки использована фотография IgorVetushko 263846768 с сайта depositphotos Содержит нецензурную брань.

ГЛАВА 1

– Серебрякова! Ты еще долго будешь пропускать звонки?

Ника вздрогнула и подняла глаза на начальника. Славик смотрел на нее с нескрываемым раздражением. Молодая женщина перевела взгляд на телефон и только теперь заметила, что тот беспрерывно трезвонит.

– Черт, Ника, я терпел твое плохое настроение, твои отгулы и больничные, но какого черта ты сейчас вытворяешь? У нас на носу Новый год, звонков просто море, ты понимаешь, что понижаешь нам показатели. Клиенты просто позвонят в другую компанию.

Женщина закусила губу, и слезы выступили у нее на глазах, взгляд начальника смягчился:

– Выйди на перерыв, Серебрякова. Потом поговорим.

Ника сняла наушники и вышла из отдела операторов сотовой связи. Она выбежала на лестничную площадку и глубоко вздохнула, набирая в легкие побольше воздуха. Нужно работать, а у нее просто нет сил заставить себя отвечать на звонки и заискивать перед клиентами. Она всю ночь не спала, дочери заболели, мама слегла с высоким давлением и с малышками осталась дежурить соседка, которой и заплатить нечем. Ника достала последнюю сигарету и жадно затянулась. " Нужно бросать курить, на следующую пачку денег нет совсем, осталось всего несколько сотен – до зарплаты не хватит. Занять снова не у кого. Если так продолжиться и дальше – нас выставят из квартиры". Ника закрыла лицо руками. Надо успокоиться, взять себя в руки, подумать о подработке.

– Ника, ты чего?

Молодая женщина подняла глаза на парня, который только что вышел в коридор и тоже закурил.

– Ничего, Леш, просто устала.

– Деньги?

Ника отрицательно покачала головой, не хватало еще чтобы сотрудники ее начали жалеть.

– Не ври хотя бы мне, Серебрякова. Мы сколько лет знакомы? Я видел, как ты пересчитывала мелочь в буфете и так ничего не купила. Сколько нужно?

– Леш, ты что? Не говори глупости – ничего мне не надо. Все у меня нормально.

– Вероника, я только что провернул одно дело, у меня есть бабки. Бери – отдашь, когда сможешь.

Он протянул женщине пачку в несколько сотен. Она посмотрела на деньги и подумала о том, что возможно принесет сегодня домой мяса и мандарин, пару конфет. Дочери обрадуются, а то все яичница с гречкой да манная каша, из сладкого – блинчики на воде. Рука сама потянулась за предложенной помощью.

– Спасибо, Леш. Даже не знаю, как тебя благодарить.

Ника встретилась со взглядом сотрудника и покраснела, глаза Леши блеснули и тут же погасли. Она знала, что уже давно ему нравится. Поправила льняную прядь за ухо и отвела взгляд. Дверь распахнулась, и вышел Славик, он посмотрел на своих работников и нахмурился:

– Леха, марш в отдел, твой перерыв по-моему начался по второму кругу, а ты Серебрякова останься. У меня к тебе разговор серьезный имеется.

Ника тяжело вздохнула – " Кажется, меня сейчас уволят".

– Да, Слав, я слушаю.

– Вероника. Эй, ты чего побледнела? Думаешь, уволю? Да ладно тебе, не один день меня знаешь. Что я изверг что ли? У меня к тебе дело есть. Нам поступил огромный заказ на партию сотовых аппаратов для заграничной фирмы " Диамант", завтра владелец компании прилетает в свой филиал из Нью-Йорка. Сделка с компанией еще не закрыта, мне нужен умелый продавец, владеющий всеми секретами телемаркетинга, который может закрыть эту сделку с наибольшей выгодой для нас. Они набирают новый штат работников, им нужна постоянная сотовая связь и интернет. Поможешь заключить сделку, Серебрякова?

Сердце Вероники радостно заколотилось под ребрами.

– Ты и правда хочешь, чтобы эту сделку заключила я?

Славик улыбнулся и потрепал Нику по плечу.

– Конечно ты. Кому еще я могу так доверять? Ты в компании дольше всех других работников. Ты знаешь английский и еще… Серебрякова – ты самая красивая и

умная женщина в этом отделе.

Ника не ожидала такой похвалы и с недоверием посмотрела на босса.

– Что смотришь, Серебрякова, ну да, не жаловал я тебя похвалой и комплиментами все это время. Но заслужила ты, ей богу, заслужила. Заодно такие бонусы поднимешь, что и долг Лешке вернешь и до зарплаты будешь, как сыр в масле кататься. Кроме всего прочего Уильям Джонсон падок на красивых женщин и…

Внезапно Ника похолодела от неприятной и ослепительной догадки – да ведь Славик, мать его, подкладывает ее под этого иностранца, чтобы заполучить клиента с таким именем.

– Знаешь, что, Славик, а не пошел бы ты! Я прекрасно поняла, куда ты клонишь. Что еще я должна буду делать, чтобы эта сделка состоялась?

Лицо начальника вытянулось от удивления, а потом позеленело от злости:

– Ты это, не зазнавайся! Серебрякова, у тебя нет выбора! Не согласишься – на фиг на улицу вылетишь!

Он нервно пригладил свои жиденькие волосы и злобно зыркнул сальными глазками в вырез ее блузки. Ника знала, что этот козел и сам бы не прочь, но не может любовница в бухгалтерии сидит вмиг пронюхает и устроит ему апокалипсис.

– Не убудет от тебя. Не целка уже небось, не обломишься и не сотрешься. Поедешь к этому американцу и задницу будешь ему лизать, чтобы эта продажа состоялась. Не сделаешь – уволю сегодня же. Девок твоих социалка быстро к рукам приберет, я об этом позабочусь.

Ника побледнела, словно полотно. Кровь отхлынула от ее лица, сердце больно сжалось от мысли, что у нее могут отнять дочерей. А ведь этот мерзавец способен и не на такую подлость. В прошлом месяце чтоб уволить Гошу без штрафа за просроченную зарплату ему подсунули золотые часы Славика в сумку и на проходной, естественно, нашли. Уволили еще и за текущий месяц не

заплатили и штраф назначили, если не хочет в ментовке застрять. Кстати, даже свидетели нашлись.

– Значит так, вот тебе бабки. Топай в парикмахерскую, наводи марафет. Тут и на шмотки, и на няньку для соплячек твоих хватит. Поняла?

Ника кивнула, с трудом сдерживая слезы.

– Оденься поприличней и посексуальней. Эй, Серебрякова, Джонсон богатый и симпатичный дядька– не съест. Потрахаетесь раз другой – и договор наш. А теперь пошла. Иди– иди, два раза я просить не буду. Могу и Оксане предложить, она не откажется.

" Будь ты проклят, альфонс чертов. Когда-нибудь ты об этом пожалеешь"

Ника выхватила из рук босса пару сотен долларов и сотовый телефон, с ненавистью посмотрела на него и бросилась вниз по лестнице. Она не слышала, как Славик позвонил кому-то и тихо сказал:

– Все на мази, окрутим его как миленького. Она согласилась. Да, ладно тебе, красивая баба, не волнуйся – вкус у меня есть. Не молодуха, но в самом соку. Блондинка, глазищи голубые, тело роскошное, не устоит твой янки – подпишет. Потом и ближе ее подсунем, инфу нам сливать будет. Конечно, куда она денется у нее двое по лавкам, а в кармане ни гроша.

***

Ника слышала, как хрустит снег под старенькими сапожками, которые она натерла до зеркального блеска, чтобы никто и не подумал, что купила она их года три назад. Ветер пронимает до костей, тоненькое пальто не греет, а мокрый снег хлещет по лицу. В центе города все готово к новогодним праздникам, сверкают цветные лампочки на деревьях. На площади наверняка уже стоит елка. Магазины пестреют гирляндами и неоновыми вывесками. Она вновь и вновь слышит жестокие слова начальника. Шальная мысль – отказать, появилась и исчезла внезапно как вспышка молнии. У Славика не займет много времени превратить ее жизнь в ад. Если он ее уволит, ни одна компания не возьмет Нику на работу – он об этом позаботиться. Да и не может она вновь оставить дочерей без праздника. В прошлом году, на Новый Год, у них на столе

кроме салата оливье и печеной картошки ничего не было, даже мяса и сладостей. Спасибо Светка забежала хоть конфет принесла и то девочкам счастье. Все деньги съемная квартира и коммунальные услуги сжирают, плюс садик на то дай, на это дай. Ника тяжело вздохнула и подумала о том, что все не так уж и плохо. Выполнит она поручение Тимофеева, получит зарплату и начнет новую работу искать. Все такиВсе-таки на носу новый год, вон сколько частных фирм настроили, неужели она с высшим образованием и таким опытом работы ничего не отыщет? Вот устроится в банк, например, или в магазин модной одежды. Ника засунула руки в карманы и нащупала пальцами леденец. Достала, посмотрела на "барбариску" в цветной обертке. Желудок жалобно заурчал, девушка развернула бумажку и сунула конфету в рот. Приятно защипало язык. Мрачные мысли постепенно заменяло смирение с неизбежным и надежда на лучшее. Ника подошла к киоску и, склонившись к окошку попросила пачку сигарет. Девушка в ватном жилете и цветастой вязаной шапке лениво потянула руку к полке.

В этот момент у тротуара затормозил автомобиль, оттуда доносилась громкая музыка и смех. Ника обернулась. «Ну, чего жизни-то не радоваться, если у тебя новенький «БМВ» и денег куры не клюют. Не то что у тебя, Серебрякова» – подумала она, разглядывая сверкающие диски на колесах автомобиля. А завидовать не хорошо. Впрочем, она не завидовала, скорее немного раздражал весь этот пафос и показуха, особенно когда у самой пару копеек в кармане.

– Эй, вы платить будете?!

Ника обернулась к продавщице, та сердито уставилась на девушку.

– Держите.

Холодными, негнущимися пальцами она протянула ей мелочь, забрала пачку и сунула в карман. Вот закурит сейчас, и кушать перехочется. Сигареты отбивают аппетит. Светка так говорит, она постоянно сидит на диетах и курит, как паровоз. Ника отошла от киоска и быстро открыла пачку, доставая сигарету.

– Красавица – снегурка, а ну-ка подай парню коньячку и шоколад, не то совсем продрог.

При звуке этого голоса Ника вздрогнула, как от удара хлыста быстро обернулась и …время остановилось.

Сердце замедлило ход, удар…еще удар, кровь перестает мчаться по венам, а потом разгоняется с такой скоростью, что звенит в ушах и перехватывает дыхание. Андрей…Он здесь? Но как? Когда вернулся? Этот голос она узнает всегда, даже во сне, даже если оглохнет. Она все еще слышит его по ночам, когда украдкой утирает слезы и тихо плачет, чтобы не разбудить маму и девочек. Андрей – бывший муж. Слово "бывший" снова резануло сердце острым лезвием отчаянья. Он их бросил, просто исчез, не вернулся. Она много лет спрашивала себя почему? Но ответ так и не нашла. Лишь сплетни, которые по крупицам приносили маме соседки да ее "добрые" подружки, примерно нарисовали ей причину, причиняя еще больше боли от его предательства. Мысль о детях вспыхнула яркой вспышкой. Бежать. Без оглядки. Скрыться. Спрятаться. Сейчас. Она бросила сигарету и ускорила шаг, приподняв воротник. Не оборачиваться. Не смотреть. Не удержалась.

Мужчина у киоска расплачивался с продавщицей, протянув купюру, вытянутую из увесистой пачки. Кожаное пальто, на руке блеснули дорогие часы, белый шарф развевается на ветру. В ухе блеснул наушник мобильного. Профиль четкий, жесткий, волосы как всегда в полном беспорядке, на подбородке щетина. Сердце сжалось так сильно, что стало трудно дышать. Ника решительно отвернулась и рванула вперед к метро. Скрыться в толпе, забиться в душный вагон и только там она позволит себе расслабится, осознать, что увидела его снова…спустя четыре года.

– Девушка, а у вас зажигалки не найдется? Вот невезуха – я свою потерял. Девушка?!

"О господи, только не это! Не сейчас! Не сегодня! Я не готова!" – Ника ускорила шаг, отворачиваясь от мужчины.

– Девушка, не красиво вот так убегать. Я видел у вас в руках зажигалку. Ну, куда же вы?

Он все же догнал ее, опередил и остановился напротив:

– Деву…

Ника подняла глаза, изо всех сил стараясь смотреть как можно равнодушней. Ветер сорвал шапку с ее головы и бросил волосы в лицо. Она неловко подхватила ее и сунула в карман. Андрей ее узнал. Сразу. Она видела это по его глазам. Они вспыхнули и тут же сузились. Прищурился и вовсе не от ветра. О чем он сейчас думает? Рассматривает ее, внимательно изучая. Во взгляде невозможно прочесть ровным счетом ничего. Все такие же непроницаемы карие глаза, все такие же длинные ресницы, такие же губы с упрямой линией и насмешливым изгибом. Он не изменился, возможно, повзрослел. Остриг волосы, одевается стильно, элегантно. В руках пачка "кэмел".

– Ника. – Не вопрос. Утверждение.

Рядом с ним Вероника почувствовала себя облезлой бомжихой в нелепом пальто, старых сапогах и наверняка размазанной косметикой.

– Андрей.

Они молчали. Ника смотрела на бывшего мужа и старалась дышать как можно ровнее, но сердце билось словно колокол и кровь носилась по венам с такой скоростью, что у нее кружилась голова. Она слышала каждый удар своего пульса в ушах, в горле пересохло. Девушка, молча, достала простенькую китайскую зажигалку и протянула ему. Андрей бросил взгляд на ее безымянный палец – в глазах опять пусто. Даже интерес не промелькнул, не то чтобы радость от встречи.

– Как жизнь? – Спросил так, словно обязан спросить.

– Хорошо. А у тебя?

– Чудесно. Как всегда работаю.

– Когда вернулся? Слышала, ты был заграницей?

Он прикурил сигарету, шумно затянулся дымом, выпустил пару колечек.

– Был. Вот вернулся по работе. Ника, что мы стали на дороге? Поехали кофе попьем – поболтаем.

Все внутри нее воспротивилось этому приглашению – " Еще пару минут рядом с ним, и я завою". Она подумала об Анечке с Катей, больной маме и отрицательно качнула головой.

– Не могу, Андрей. Мне домой пора.

– Замужем?

Ника не поняла вопроса, удивленно посмотрела на бывшего мужа.

– Я спрашиваю – к мужу торопишься?

– Нет, не замужем – Ох как же хотелось сказать, нет, закричать – "Да, я замужем, меня дома ждут! Я тебя забыла! Ты мне больше не нужен!"

– Но дома меня ждут. – Поспешила добавить – мама ждет.

– А Анастасия Павловна теперь с тобой живет? Ну, ничего, ты ведь уже не маленькая, позвонишь с моего сотового и скажешь, что задерживаешься.

Ника чувствовала, как его голос постепенно обволакивает ее, лишая воли, лишая желания уйти. Еще минутку с ним. Один разочек. Просто побыть рядом. Она возненавидела себя, когда покорно пошла к машине. "Дура, овца на закланье, безвольная идиотка, он пальчиком поманил, и ты тут же, высунув язык побежала – верная собачонка…"

Андрей достал ключи из кармана, и Ника с удивлением заметила на поясе кобуру с пистолетом и рацию. "Что за работа у него? Почему носит оружие? Охрана?".

В "БМВ" пахло дорогим парфюмом и новеньким кожаным салоном. Он вежливо открыл перед ней дверцу, помог сесть, обошел машину и сел за руль.

– Приличное место знаешь? А то я уже ничего не помню.

Знает ли она приличное место? Да она в кафе уже больше года не ходила, не то, что по ресторанам. У нее на завтрак дома кофе нет, только чай дешевый, который заваривать надо, да хлеб с маслом…Он бросил ее без копейки в кармане, беременную. Хотя, тогда они оба об этом не знали. Злость постепенно начала закипать у нее в душе. Шикарная тачка, пачка денег, дорогое пальто и парфюм, а у дочерей вещи ношеные и конфеты по праздникам.

– Ладно, поехали по центру, что-нибудь найдем. А город как изменился. Ника, ты чем сейчас занимаешься? Где работаешь?

"Детей твоих ращу, и работаю у козла Славика, к которому ты устроил меня пару лет назад".

– Андрей, знаешь, у меня и, правда, времени нет. Останови машину. Я очень тороплюсь.

Мужчина удивленно на нее посмотрел, а потом в его глазах мелькнуло раздражение:

– Значит кто-то все же есть, да? Ну не муж, друг какой-то или парень. Я все понимаю, у такой, как ты, всегда кто-то есть. Так бы и сказала. Зачем беднягу заставлять ревновать. Может, я тебя домой отвезу?

Ника достала сигарету и нервно закурила.

– Не надо домой, ты мне тут останови, пожалуйста, я еще по магазинам пробегусь.

Машина резко затормозила у тротуара и Андрей, протянув руку, щелкнул ручкой двери. Ника зажмурилась, чувствуя запах его кожи, волос. Повело. Вот так сразу и мгновенно. Как от наркотика. Не удержалась, бросила взгляд на безымянный палец – кольца нет.

– Рада была тебя увидеть! – Солгала она и выскочила из машины.

Андрей вдруг схватил ее за руку, резко удержал и усадил обратно на сидение. От прикосновения его пальцев огненные искры пробежались по телу. Тысячи

мурашек, вихрями огненными вдоль позвоночника. Срывая дыхание. Она вздрогнула и судорожно вздохнула. На тыльной стороне ладони – шрам. В голове вспышка – эта самая рука нежно скользит по ее телу, лаская, обжигая каждый сантиметр тела умелой наглой лаской, проникает между ног и… Ника тряхнула головой, разозлилась на себя еще больше, выдернула холодные пальцы и отвернулась к окну.

– Ты так и не ответила – кто тебя ждет? – В его голосе промелькнули настойчивые нотки, словно он имеет право ее об этом спрашивать.

– Какое тебе дело, Асланов? Ты мне уже давно не муж. Счастливого Нового Года.

Девушка выскочила на улицу и бросилась к метро. Услышала его голос:

– Ника, я позвоню.

"Не позвонишь! Телефонный провод отрежу! Перееду! Сбегу!"

ГЛАВА 2

– Асланов! Ты ли это?! Вернулся, ну ни фигасе прикид.

Андрей брезгливо поморщился, когда сосед и бывший одноклассник Витька попытался его обнять. От парня несло спиртным за километр, зрачки неестественно расширены. Наверняка еще и под наркотой. Опустился-таки ниже плинтуса. Когда-то Андрей пытался устроить Витьку в свой бизнес, в охранную фирму, как– никак тоже служил в спецназе, но тот пару раз облажался на службе, да и опаздывал вечно, пьяный приходил, пришлось его уволить.

– Андрюха дай пару сотен… Ну не жмотись. Я ж знаю – у тебя есть. Нам с Манькой опохмелиться о, как надо!

Витька провел большим пальцем по грязной шее и протянул раскрытую ладонь к Андрею, словно попрошайка у вокзала. Асланов сунул руку в карман и дал парню два стольника.

– Ты прости, Витек, мне домой надо.

Витька заржал, как конь.

– К бабе своей торопишься?! А она тебя не ждет…ой, не ждет, Андрюха.

Асланов с раздражением посмотрел на пьяного соседа.

– Так, изыди на хрен. Я тебе денег дал. Вали в киоск за пойлом.

Витька все равно преградил бывшему другу дорогу.

– Ты…ик…это. Ты пока по своим закордонам мотался и бабки для нее заколачивал она к себе хахаля водила. Эт я тебе точно говорю. Своими глазами видел, он на тачке крутой приезжал. На черной. А уходил только утром…ик…вот и вчера у нее был, до утра. Эх, бабы нынче пошли, мужик пашет, в семью все тянет, а она с другими, шалава, трахается.

Андрей даже не понял, как все произошло, один удар и Витька на полу с разбитым носом, а у самого костяшки пальцев гудят. Манька выбежала, принялась причитать, кудахтать, на Андрея с кулаками бросаться. А он стоит как изваяние, пошевелиться не может, точно помертвело все в душе, сердце начало покрываться тоненькой корочкой льда. Издалека доносился голос Маньки:

– Понаехал тут, блин. Думаешь, если тачка крутая и шмотье импортное – все можно? Я вон ментов вызову, вмиг в обезьянник пристроют.

– Сука твоя Ника, все бабы суки, Андрюха, ты не горюй. – Пьяный сосед хохотал на полу, утирая кровь, капающую с носа.

Манька дернула Андрея за рукав.

– Денег на лекарства хоть дай, изверг.

Андрей машинально протянул ей сотню и словно сомнамбула поднялся наверх по лестнице, даже лифт не вызвал.

" Черная машина. Неужели Корецкий подонок? Она с Олегом? Не верю. Вранье все это. Быть не может. С моим другом?"

Мужчина отпер дверь ключом и сразу почувствовал, что Ники дома нет. Он всегда знал точно, если она находится рядом. Ощущал ее присутствие каждой клеточкой своего тела, словно она была неизменной частью его самого. Вероника, его девочка, его жена. Андрей швырнул сумку на пол, прошел в гостинную и замер прямо на пороге – на столике в вазе букет роз. Бутылка из-под шампанского, два бокала стоят там же, как неопровержимое доказательство слов пьяного Витька. В пепельнице окурки. Тапки Андрея брошены у дивана, а по ковру разбросано нижнее белье Ники. Андрей глухо застонал, наклонился, поднял кружевной бюстгальтер, затем со злостью отшвырнул в строну и взвыл. Вцепился оледеневшими пальцами в волосы.

– Сука!

Выдохнул он и яростно смел со стола бутылку и вазу с цветами. Бросил взгляд на стену, где красовался их свадебный снимок, сделанный лучшим фотографом города. С размаху врезал кулаком по стеклу и с наслаждением увидел, как после удара, словно паутина расползается трещина по их счастливым лицам.

" Тварь! Не прощу! Убью суку! Удушу!"

Андрей метался по пустой квартире, словно зверь в клетке. Если бы сейчас Вероника попалась ему под руку он, наверное, мог бы ее убить. Так и видел с наслаждением свои пальцы, сжимающие изящную шейку. Несколько раз звонил ее маме, но и там никто не отвечал. Позвонил Корецкому домой – длинные гудки.

"Она с ним!" – Глаза налились кровью, ногти впились в кожу на ладонях, раздирая до крови.

Снова взгляд на белье. Перед глазами пронеслись картинки, одна болезненней другой. Прекрасное обнаженное тело жены извивается в руках лучшего друга.

Андрей окинул комнату обезумевшим взглядом. Затем рванул в спальню, лихорадочно сгреб все свои вещи, запихнул в чемодан. Снова осмотрелся и застонал как раненое животное. Зашел на кухню, распахнул окно и нервно закурил, выпуская причудливые колечки дыма в густой весенний воздух. Дождался ее на улице. Не мог сидеть в квартире, где предательством за версту воняло, где корежило его, выворачивало, резало на куски от понимания, как его обманули. Когда ее увидел, идущую с остановки, цокающую каблучками, с длинными волосами распущенными, в коротеньком пальто выдернул ствол из-за пояса, дернул затвор…Долго целился ей в спину, очень долго. Сквозь туман какой-то, сквозь соленое марево, разъедающее глаза. И не смог. Сука! Не смог! Не струсил, нет. Он бы сел, по хер теперь. Просто представил, как ее в землю закапывают и понял, что следом пулю себе в висок пустит…Но она этого не стоит. Пусть живет, тварь. И он поживет. Но не с ней, поживет так далеко, чтоб эту шалаву никогда случайно не встретить. Чтоб желания свернуть ей голову не возникло.

Он выкурил подряд пять сигарет, швырнул окурок, глядя ей в окна, достал сотовый. Несколько минут подумал и набрал чей-то номер.

– Владимир Александрович – это Асланов. Да, я подумал. Я согласен. На сколько? Да, навсегда. Подпишу сегодня.

Затем сбросил и снова позвонил:

– Девушка, мне нужен номер в вашей гостинице на сутки.

***

Андрей проводил Нику взглядом и яростно ударил ладонью по рулю, дернул воротник рубашки, словно задыхаясь. Первая пуговица оторвалась и скатилась вниз. И по хер. Асланов открыл окно и судорожно глотнул холодный воздух, который обжег легкие азотом. Сердце отсчитывает удары один за другим. Сука! Столько лет. Думал отпустило, но ни хренааа. Ни черта не отпустило. Дрянь. Какая же она дрянь. По-прежнему цепко держит его сердце своими коготками и от одного взгляда на ее губы стояк тут же адский, болезненный. Дрожащие пальцы вытянули из пачки сигарету, та сломалась, достал еще одну – прикурил фильтр, ругнулся, вышвырнул сигарету в окно.

Увидел ее и с ума сошел от боли, ненависти и …от радости. Ника, все такая же нежная, все такая же до боли красивая, но уже чужая. Ника – его жена. Бывшая жена. Время лечит? Нет, оно проклятое, лишь затягивает раны тоненькой коркой, а потом вскрывает лезвием воспоминаний былую боль. Он знал, что не должен возвращаться обратно. Но самоуверенная гордость твердила, что он забыл, что больше не любит и не страдает. Вычеркнул коварную стерву, стер, вытоптал ее из своей души многочисленными другими, без лица и без имени. Теми, кто заменял ее длинными ночами, в его рискованной, покрытой мраком, жизни. Думал ли он, что, увидев ее вновь, все годы разлуки сотрутся, словно их и вовсе не было, а ее синие глаза снова разбередят душу. Из-за нее его жизнь скатилась под откос, из-за нее он уехал.

Теперь он начальник личной охраны Вилли Джонсона. Бывшего эмигранта из СССР. Вовка Коршун – вор в законе, который смылся забугорза бугор еще во времена "железного занавеса". Кто бы мог подумать, что хранитель "общака" станет владельцем алмазной компании "Диамант" с филиалами по всему миру? С виду чистенький, аристократичный, педант – бизнесмен, но Андрей знал какие делишки прокручивает Вовка Коршун, как отмывает грязные деньги и сколько человек жаждут его смерти, а так жетакже какой толщины досье лежит на него у федералов. Работа Андрея заключалась в том, что он лично набирал штат сотрудников, отвечал за безопасность в доме босса – новая сигнализация, прослушка, камеры слежения. Сколько машин будут сопровождать Вилли Джонсона при походе в ресторан, при деловой встрече. Какие журналисты могут войти в дом, а с кем можно встречаться только на нейтральной территории. Кто из "друзей" олигарха жаждет его краха и может подослать наемников.

Теперь у Асланова новая жизнь, куча денег, крутая тачка, но нет одного, того о чем он мечтал всю жизнь – семьи. Да, что там семьи, нет рядом ЕЕ.

Вероника Серебрякова девушка – картинка, королева школы, отличница. Он увидел ее на выпускном вечере в пышном платье с рукавами – фонариками и распущенными по плечам золотистыми волосами. Асланов как раз вернулся с армии, молодой, дурной, голодный. Белокурая красавица поразила его до глубины души, он даже не решался к ней подойти. Таскался под ее окнами, молча, провожал из школы домой, чтобы она не заметила. Набил морду всем ее воздыхателям. Наконец пришел на школьную дискотеку и все не решался ее пригласить танцевать, а потом местные навалились на него скопом и хорошо намяли бока, чтоб не шлялся на чужом районе. Он тогда раскидал их всех без особых усилий – три года в спецназе все-таки. А потом милая школьница

обрабатывала его ссадины перекисью водорода и бинтовала порезанные о горлышко битой бутылки, пальцы.

Они поженились спустя год, когда Андрей открыл фирму по охране с крутым оснащением и штатом работников, где каждый стоил десятерых. Как-никак бывшие сослуживцы. Они с Корецким трудились не покладая рук, наладили поставку видеокамер и компьютеров из заграницы. Каждый раз кто-то из них уезжал в командировку за новой партией.

Прошел год безоблачного счастья, как он тогда предполагал. Для него Вероника была центром вселенной, его маленьким миром, где плескается счастье, всепоглощающее и идеальное до боли. Она училась, он работал как проклятый и был рад, словно ребенок, каждый раз, когда возвращался домой. Ни одна женщина не смогла заменить ему Нику. Ни с кем и никогда он не горел в таком диком водовороте страсти как с ней. Ника умела свести его с ума одним взглядом, одним лишь прикосновением нежных пальчиков. Когда он целовал ее пухлые губы, у него в голове взрывались миллиарды метеоритов наслаждения. Только она могла отдаться ему прямо на улице, только она умудрялась распалить его как голодное животное, лишь проведя кончиком языка по губам. Вот и сейчас он посмотрел в ее глаза и почувствовал, как по спине змейками скатились ручейки пота, а в горле пересохло как от жажды. Ее волосы развевались на ветру, а нежная кожа сияла в лучах зимнего солнца. Она такая же шелковистая на ощупь как он помнил? Ее губы все такие же сладкие? Его пальцы дрогнули от неумолимого желания коснуться ее волос, зарыться в них как когда-то, всей пятерней. Он даже сжал их в кулак, чтобы удержаться. Но молодая женщина окатила его таким ледяным холодом, что его сердце, едва оттаяв, вновь замерзло. Побежала к своему кобелю, наверняка кто-то ждет ее дома так же как он когда-то. Кто-то, кто называет ее "своей", его Нику, его маленькую нежную девочку. Его жену.

"Бывшую, Асланов, бывшую, не забывай об этом, она чужая – не твоя" – Андрей поморщился и вновь закурил сигарету. Вспомнил как, приехав в город, сразу заехал туда, где раньше жили. Знакомые шестнадцатиэтажки встретили его серой и тоскливой ностальгией. Расспросил соседей – не удержался. Квартиру продала, съехала три года назад. Он тогда еще долго кружил по знакомым улочкам, собирая воспоминания, как на нитку, даже остановился у школы, наблюдая за ребятишками, и чувствуя, как воспоминания удавкой горло стягивают и мешают дышать полной грудью.

Только одно он понял ясно – не забыл. Увидел – и хаос ворвался в душу. Разнес все на куски. Стер в пыль былое спокойное. Бред какой-то, столько лет прошло. Между ними все давно кончилось, он не простит ее никогда. То, что разбилось уже не склеить, не забыть измены и предательства.

Асланов закрыл глаза – вновь ее лицо видит: красивое, ослепительное и такое родное. Пальцы начали зудетть от желания прикоснуться, по губам провести, к себе притянуть за затылок и сожрать ее дыхание. Член болезненно дернулся в штанах. Бляяядь! Он все еще дико ее хотел. Вот так от одного взгляда распалялся. Нет – чужое у нее лицо. Блядское и чужое. Он вспомнил как с остервенением бил Корецкого, до боли в руках, сбивая костяшки до мяса. Молча, наносил профессиональные удары, в превратившееся в сплошной синяк лицо. Он не дал сопернику возможности сказать ни слова, тут же выбив передние зубы и оглушив ударом в солнечное сплетение. Потом плюнул на скорчившегося в его ногах Олега и уехал на вокзал. Больше Андрей о них ничего не слышал, а через пару месяцев Коршун помог ему оформить развод, даже без ее согласия. В тот день Асланов бросил обручальное кольцо в океан и забылся в пьяном угаре. Он думал, что выжег воспоминания о ней из своего сердца. Вытравил запах. Стер ее из своей памяти. Лишь каждый раз, накрывая собой такие разные тела случайных любовниц, он осатанело врезался в их плоть, сгорая от ненависти к той из-за кого так и не смог стать самим собой. Наверно, даже под гипнозом, он не сможет забыть эту проклятую тварь. Его наказание и проклятье, его хроническую болезнь и безумие с синими, как майское небо, глазами.

***

Андрей рванул машину с места, взревел двигатель и заскрежетали покрышки. Включил музыку на полную громкость.

Сотовый требовательно затрещал, и Асланов нажал кнопку на наушнике.

– Вояка, ты где? Всего-то за коньяком послали. Мы с ребятами заждались. Ты за смертью быстрее ходишь.

Андрей усмехнулся – Коршун никогда не подсылал к нему секретаря, звонил лично и относился искренне, как к другу.

– Владимир Александрович, да тут пробки покруче чем в Нью – Йорке, застрял в трех соснах.

– Ты рули, Асланов, скучно мне без тебя. С "Телекома" звонили. Завтра какую-то кралю пришлют бумаги подписывать. Мне с ней как? Домой привести или можно все же в ресторанчик?

Андрей закурил и вырулил в узкий переулок, чтобы миновать затор.

– Фирма нормальная, мы их пробили по нашим каналам. Можете и в ресторанчик, только пару ребят все же с собой возьмите.

– Что у тебя с голосом, Андрей?

– Эх, ностальгия, Владимир Александрович, душу разбередила проклятая.

Послышался тихий смех.

– Ладно, давай пошустрей, мы твою проклятую в коньяке утопим.

Андрей отключил наушник и снова задумался. С виду уравновешенный и спокойный Коршун умел преподносить неприятные сюрпризы. Если перейти ему дорогу, более жестоко и хладнокровного врага не сыскать – из-под земли достанет и смерть покажется блаженством. Хотя он и сунулся в политику, обелил свое имя, по-прежнему, в глубине души, оставался просто Вовкой. Бывшим беспризорником, живущим по закону улиц. Это не изменится никогда. Коршун – одиночка по жизни. Женщины приходят в его дом лишь затем, чтобы утром побыстрее унести ноги с увесистой пачкой зелени. За годы службы Андрей успел выучить босса наизусть. Все его привычки, вкусы, увлечения. Он проникся уважением к этому сильному и властному человеку, поднявшемуся из грязи. Свое огромное состояние Коршун сколотил на крови и трупах конкурентов. Он продирался вперед, сметая и подминая под себя всех, кто мог ему помешать. Но только Андрей знал, что на самом деле крутой олигарх Вилли Джонсон очень одинок – ни друзей, ни семьи. Везде одни заговоры, сплетни да корысть. Только с Аслановым и говорил по душам, вот так, за бутылкой коньяка. Они часто сидели вдвоем по выходным, резались в шахматы, Асланов слушал рассказы Коршуна о прошлом. Когда они познакомились, Владимиру Александровичу перевалило за четвертый десяток, к тому времени он уже

прошел суровую школу выживания – суды, тюрьма, нары. Коршун поддержал Асланова в трудную минуту, приблизил к себе и во всем ему доверял. Пожалуй, Андрей и был для него единственным другом среди стаи волков, с которой тот жил годами.

ГЛАВА 3

Ника забежала в метро и прислонилась спиной к мраморной стене. Бросила взгляд на улицу – "БМВ" все еще стоит у тротуара. Она сжала руками виски, стараясь прийти в себя и унять лихорадочную дрожь во всем теле. Каждый вздох дается с трудом, а грудь словно стянуло железными обручами. Какого черта он вернулся? Почему именно сейчас, когда она научилась жить без него, иногда спать по ночам и не реветь в подушку? Просыпаться по утрам и как обычный человек радоваться жизни. Бывший – никак не стал таковым, спустя годы. Она все еще помнит его, каждую черточку на родном лице: взгляд, губы с упрямой, четкой линией и колючие щеки, к которым прикасалась когда-то в порыве отчаянной нежности. Чужие губы. Чужое лицо. Чужие глаза. Как же больно. Душа вывернута наизнанку и истекает кровью… Никогда не забыть…Никогда не простить.

Несколько лет назад

Пустая квартира, эхом откликнулся собственный голос в жуткой тишине. Нижнее белье в груде битого стекла и поникших бутонов роз. На стене свадебный снимок в уродливых трещинах. Ступая босыми ногами, прошла в спальню. Хаос. Вещи на полу. Шкафы пустые. В ванной – пусто, даже бритву не оставил. Провела дрожащей рукой по зеркалу, в котором так часто отражались они оба – счастливые, влюбленные. Он ушел… За ним…Немедленно! Объяснить, поговорить, догнать!

"Все не так! Андрей! Дай мне шанс объяснить! Господи!"

Накинула плащ и босиком по лестнице, наступила на битое стекло – не заметила. Кровавый след отпечатался на грязных ступеньках.

Такси мигает зеленым огоньком вдалеке. Проехал мимо, облив грязью голые ноги. Дождь льет стеной, промокла до нитки, но даже не почувствовала ледяного холода. Бросилась на дорогу, раскинув руки как звезды. Кто-то сжалился – подобрал.

– Куда вам?

– На вокзал.

Темные глаза частника зыркнули на нее через зеркало. Машина понеслась по мокрым, серым улицам.

Душа разрывается от жуткого предчувствия, сердце сжимается, пропуская удары.

"Скорее, скорее. Милый только не уезжай, я все объясню. Господи какая нелепость. Какой бред. Андрееей, подожди. Пожалуйста, ну хоть минутку, хоть секунду".

Сунула деньги частнику и выскочила на улицу. Холодная вода хлестнула по босым ступням. Помчалась в зал ожидания. Оглядывается. Лихорадочно ищет. На платформу…Бежать за ним, стирая ноги в кровь. Что ее жизнь стоит без него? Они же ним единое целое. С полуслова всегда понимали друг друга. С полувзгляда.

Но Андрея нигде нет, только равнодушные злые лица с осуждением смотрят на заплаканную и измазанную девчонку, которая бегает взад и вперед по вокзалу, словно безумная. Ее голос охрип и сорвался. Села на асфальт, закрыла лицо руками. Скулит, как брошенный щенок у обочины. Ледяной холод замораживает каждую клеточку тела, подбираясь все выше и выше, чтобы заморозить душу. Умертвить. Ведь она знала куда он мог уехать…Знала, что он способен навсегда.

– Девушка, предъявите документы.

Подняла глаза. Опять осуждение и злость. Осмотрелась – сумочки нет, украли.

– Пройдемте в участок.

Равнодушные руки подняли с асфальта. Покачнулась и упала в холодную тьму безумия.

Очнулась от ослепительного света и резкого запаха.

– Эй, девушка, хорош валяться. Вон скорая приехала, руки отнимаются таскать вас всех. Понапиваются, обколятся. Наркоманы проклятые, а мне еще до утра дежурить. Доктор, забирайте ее, а то окочурится прямо тут. Мне еще трупа не хватало на смене.

Ника увидела лица в белых масках. Острая игла впилась в вену. В глаза посветили фонариком, подняли – понесли. Услышала голос за спиной.

– Она не наркоманка. Возможно шок, но наркотой тут и не пахнет.

– Господи, а шок-то от чего?

– От холода, она босая и промокла до нитки.

В машине скорой помощи ее заботливо прикрыли одеялом. Кто-то осторожно убрал слипшиеся волосы с лица.

– Тебя как зовут, найденыш? Кому позвонить?

" Не кому" – Подумала и закрыла глаза, глотая слезы.

Пожилой доктор в очках с толстой оправой, задумчиво почесал подбородок и что-то написал в толстом журнале, затем обернулся к медсестре.

– Тут бронхитом попахивает, то ли уже больная была, то ли застудилась сильно. Антибиотики пока не давай – нельзя ей. Дадим в крайнем случае. Проследи чтобы хорошо ела и отдохнула. Утром расспросим – она в состоянии сильного стресса. Напрасно дежурный назвал ее бездомной. Девушка ухоженная, одежда снизу чистая, ногти после маникюра. Видно неприятности у нее. Да, красавица? Кто обидел?

Ника отвернулась, разговаривать не хотела. Да и что сказать этому доброму доктору, что ее бросил муж? Заподозрил в измене и просто уехал. Слова не дал сказать. Оправдаться не дал.

"Он меня бросил?" – Сердце дернулось и зашлось в приступе боли и отчаянья. Не заметила, как слезы опять покатились по щекам.

– Ну, плакать совсем не надо. Тебе это сейчас не нужно. Ребеночку навредишь.

Обернулась, подскочила на постели. Немой вопрос застыл в глазах.

– Ты ляг, не надо так нервничать. Беременность совсем с маленьким сроком. Всего два месяца. Небось, даже и не знала?

Ника легла обратно на каталку и зажмурилась:

"Это сон. Кошмар. Я проснусь и все будет по– прежнему. Андрей, забери меня отсюда. Мне так страшно. Так холодно. Где же ты?"

***

– Совсем с ума сошла, Вероника? Быстро на аборт. Даже не думай дважды. У нас денег на еду нет, а она рожать надумала. Я вот тут у Тамары Сергеевны заняла. Отдадим потом, она женщина добрая, подождет сколько нужно. Марш в консультацию, там у меня врач знакомый – почистит и забудешь, как дурной сон.

Ника застонала и покачала головой.

– Не могу. А вдруг он вернется?

Мать со злостью посмотрела на исхудавшую, заплаканную дочь.

– Вернется? Держи карман пошире. Я всегда знала, что все эти заграницы до добра не доведут. Нашел он себе там кого-то.

– Нет, мама! Это недоразумение. Я знаю, он приедет. Андрей не мог меня бросить.

– Сколько ждать будешь? А время идет, срок увеличивается. Скоро за тебя ни один врач не возьмется. Марш в больницу. Не смей со мной пререкаться. Молодая – нарожаешь еще.

***

Завернулась в плед, поежилась на холодном стуле. Белые коридоры, белые халаты и равнодушные лица. Перед глазами операционная – пахнет смертью. Детской смертью. А грудь сжимают тиски дикого ужаса.

– Серебрякова врач на УЗИ зовет. Потом со мной пойдешь. Ты уже заплатила?

Ника молча кивнула и плотнее закуталась в халатик, слыша, как стучат зубы то ли о холода, то ли от лютого ужаса.

– Идем.

Пошла за медсестрой, каждый шаг в груди оставляет зияющие раны пустоты.

– Ну, ты даешь, Серебрякова. Повозимся мы с тобой. Лидусь, ты посмотри – тут их двое.

Ника присмотрелась к серому экрану, но так ничего и не увидела кроме двух странных точек, больше похожих на улиток.

– Да ты проверь, может один мертвый.

Снова на живот намазали липкий гель, придавили белым, холодным датчиком. Ника скривилась от боли.

– Да, ладно тебе, все равно чиститься будешь. Не кривись, через пару часов забудешь об этом и побежишь на танцы. Увеличь звук.

В этот момент все в душе у Ники перевернулась, она услышала ни с чем несравнимый звук, переворачивающий душу наизнанку.

Тук…Тук…Тук…Тук… Маленькие сердечки бьются в унисон. Сердечки ее деток.

– Ты смотри – оба живы. Срок – девять недель. Зародыши здоровые.

Ника подскочила на кушетке, опустила ноги на пол.

– Так ложись, мы еще не закончили. Ты куда собралась, Серебрякова?

Ника посмотрела на врачиху обезумевшим взглядом и закричала.

– Уберите руки! Я не буду аборт делать! Это убийство! Преступление, понимаете?!

Женщина нахмурилась.

– Успокойся, истеричка! Что значит, не будешь?! Ты уже заплатила, денег мы не возвращаем. УЗИ, осмотры и все такое. Не дури, Серебрякова.

Ника уже натягивала халатик и куталась в плед.

– К черту ваши деньги! Это мои дети! Мои! Они живые! У них сердечки бьются!

Вылетела из кабинета, побежала по пустым коридорам, прижимая руки к животу и плача от счастья. Присела на скамейку в парке и посмотрела на небо.

– Мы продержимся, Асланов. Мы проживем без тебя, слышишь? Мы будем бороться! Да мои маленькие? Никому вас не отдам, родные. Мама вас уже любит больше жизни. Прочь из этого проклятого места, больше мы сюда никогда не вернемся.

***

– Дочка, там почтальон приходила, письмо принесла с заморским адресом. Вроде твое имя написано.

Ника прижала ладони к распухшему животу, легкие шевеления в ответ, словно разговаривают с ней. Задохнулась от нежности, улыбнулась сама себе.

– Иду, мам. Сегодня ноги отекли больше обычного. Надо к Григорию Ивановичу сбегать, пусть на анализы отправит.

– Ага, снова деньги готовь. Ох, доця, засунешь ты нас в долговую яму. Ника, ты что?! Никаааа! Я сейчас, милая, я иду. Тебе плохо?

Ника прислонилась к стене, такая же белая с посиневшими губами. Прижала руки к животу еще сильнее. Малышки с волнением бьются внутри, словно чувствуя ее боль.

– Ника. Что там? Может скорую вызвать?

– Он со мной развелся, мама. Он не вернется – это конец.

Анастасия Павловна замерла в нескольких шагах от Ники. На ее усталом лице отразилось страдание дочери, словно в зеркале. Костыль дрогнул в морщинистой руке.

– Ну и пусть. Милая, мы справимся. Это ведь хорошо – теперь ты свободна. Зачем он нам? Проживем как-нибудь. Ты только не расстраивайся, а то девочки все чувствуют. Пошли, я чая заварила, сырок припасла. Вот сейчас достану и будем пировать.

– Через неделю за квартиру платить…Врач витамины прописал…

Слезы катятся по щекам, а бумага парит в воздухе и плавно падает к ногам.

– У меня есть немного денег, нам хватит. Все купим и витамины, и за квартиру заплатим. Ты только не плач, деточка. За что ж он тебя так?

"Будь ты проклят, Асланов! Мы забудем тебя! Мы родимся и вырастем красавицами, назло тебе. Они никогда не назовут тебя "папой" – для нас ты умер"

***

… Ника тряхнула головой, отгоняя болезненные воспоминания. Посмотрела вслед удаляющемуся автомобилю и вынырнула из метро обратно на улицу. Вздохнула глубоко, прерывисто. Сердце постепенно возвращалось к своему обычному ритму. Глухая ненависть прорвалась сквозь пелену воспоминаний, опалила, ужалила. Еще никогда в жизни Ника не испытывала такого уничтожающего чувства. Она не позволит ему вновь поломать себе жизнь. Нет Асланова. Он умер. Давно и бесповоротно. В тот самый момент, когда захлопнул за собой дверь их квартиры чтобы уйти навсегда. Ника остановилась у витрины магазина с модной одеждой. Вспомнила зачем приехала в центр. Рука нащупала в кармане сотовый Тимофеева.

"Прав Славка, нечего ломаться, может и жизнь изменится. Может это мой шанс вынырнуть из нищеты. Доказать Асланову, что все у меня хорошо без него проклятого!".

Она решительно толкнула дверь магазина и оказалась внутри. Звякнул звоночек и продавщицы, словно по команде обернулись. Разукрашенные в боевой окрас лица-маски презрительно скривились. Ника усмехнулась, вспомнила знаменитые кадры из фильма "Красотка", ну Тимофеев вряд ли потом вместо нее в магазин придет. "Так что держитесь, "болонки". Сейчас вы меня одевать будете".

Одна из продавщиц, похожая на куклу Барби, покосилась на нее со взглядом типа "Девушка, а вы дверью не ошиблись?". Шепнула что – то товаркам, и они тихо засмеялись, продолжая оглядываться на Нику. Ни одна из них даже не поздоровалась с ней, словно Серебрякова пустое место.

Ника решительно направилась к ним сама.

– Мне нужно несколько нарядов: платье к ужину, деловой костюм и …сексуальное нижнее белье…А еще обувь, на высоком каблуке – к каждому наряду.

Продавщицы переглянулись и пожали плечами, все так же мерзко улыбаясь.

– Девушка, – Вкрадчиво начала "Барби" – у нас вряд ли будет что-то подходящее для вас. Например, вот эти тоненькие пояски от "Армани" стоят двести пятьдесят…

"Болонки" захохотали и принялись вновь складывать вещи по полкам.

– Я не спрашивала у вас, сколько это стоит. Хотя поясочек очень нравится – я его беру. Впрочем, если вам нечего мне предложить – я могу и в соседний магазинчик зайти.

Через час Ника вышла оттуда с блестящими картонными пакетами и триумфальной улыбкой на лице. Продавщицы, прислонившись к стеклу, обклеенному снежинками, провожали ее удивленными взглядами. Ника бросила взгляд на магазин с игрушками, и шальная мысль промелькнула в голове.

" К черту все. Хоть раз куплю им что-то стоящее". Зашла словно в сказку, в которой не бывала с самого детства. Полки уставлены красивыми плюшевыми зверюшками, куклами с фарфоровыми личиками. Стеклянные глаза смотрят из другого мира, куда нет для нее входа. Но ведь случаются чудеса под Новый Год? Вот и у ее девочек будет сегодня чудо. Ника выбрала пушистого зайчика и полосатого кота из мультфильма. Даже не посмотрела на этикетку с ценой. Водрузила все на прилавок и с замиранием сердца расплатилась. "Помирать так с музыкой, Серебрякова".

Повернула ключ в замке и толкнула дверь ногой – руки заняты пакетами. Тут же раздался визг и два живых комочка кубарем подкатились к ее ногам.

– Мама! – Закричали в унисон – Вцепились ей в ноги и задрали забавные мордашки, перепачканные вареньем. Сердце дрогнуло. Как же они на него похожи. Еще два маленьких Асланова. Почему же такое сходство? Неужели это ее проклятье помнить его вопреки всем стараниям вычеркнуть, выжечь из памяти? Живое доказательство их любви. Те же черты лица, те же глаза, реснички, губы. Только цвет волос как у Ники.

– Кися!

– Зая!

Столько восторга на лицах, глазки блестят, как же мало нужно им для счастья. Осмотрела старенькие сарафанчики и зашитые колготки – вновь укол жалости, болезненный как упрек.

– Спасибо, мамуля. – Снова в унисон.

– Мама, у нас праздник. Выходи – будем чай пить. – Крикнула Ника, целуя по очереди русые головки.

Анастасия Павловна вышла в прихожую, с трудом передвигая забинтованные ноги. Ее глаза удивленно округлились.

– Ух. Это откуда такая роскошь?

– Премию дали, мамуль.

Отмахнулась от нее Ника, доставая из разноцветных пакетов продукты. Мать с недоверием посмотрела на нее и нахмурилась:

– Ника, не ври – за пять лет первый раз? Посмотри на меня? Откуда деньги?

Вероника устало вздохнула.

– Мам, ну говорю премия. Первый раз за все время – это верно. Ну, хоть дали и то хорошо. Будет у нас праздник. Ты лучше посмотри, что я купила.

Девчонки прижали к себе игрушки и радостно взвизгнули.

– Мама, а мы рисовали – смотри.

Обе побежали в детскую толкаясь и дергая друг друга за тоненькие косички.

– Я первая – Закричала Катя.

– Нет – я.

Ника улыбнулась, провожая их взглядом полным нежности и любви. Счастье, такое хрупкое. Смысл жизни. Если все страдания ради них – оно того стоит.

– Температуры не было больше?

– Не, все, уже оклемались. Вирус – как всегда. Можно уже завтра в садик. Ух, устала я с чертятами. Огонь, а не девки.

Мама устало вздохнула и присела на стул.

– Ты отдыхай, мамуль. Я сама теперь. Иди, поспи немного.

Ника отнесла пакеты на кухню, расставила продукты по полкам в крошечном холодильнике. Домашний телефон пронзительно зазвонил. Ника вздрогнула, замерла на секунду, а потом кинулась к трубке, сорвала, прижала к уху. Упала с высоты вниз, ожидая первого слова собеседника.

– Серебрякова.

Стон разочарования.

– Да, Слава.

– Ну что? Угомонилась?

Ника посмотрела на мать, но та пошла на кухню.

– Я все купила. Когда встреча?

– Завтра. Назначил на семь вечера в ресторане в Оперном. Не опозорься, Серебрякова. Я надеюсь шмотки нормальные выбрала?

– Нормальные! – Рявкнула Ника и руки зачесались от желания врезать по его наглой физиономии.

– Вот и отлично. Вероника, ты там смотри, договор мне нужен как можно быстрее, так что не тяни.

Ника почувствовала, как руки сжимаются в кулаки.

– Спокойной ночи, Славик.

– Серебрякова, ты мне там не мудри. Ты поняла, что я сказал?

– Поняла.

Бросила трубку. Телефон снова зазвонил.

– Слушай, я спать хочу. Я сегодня устала, может завтра поговорим?!

– Ника, это Андрей.

Сердце ухнуло вниз, закружилась голова, а ноги подкосились. Рухнула на стул и прижала руки к груди. Бросила взгляд на дочерей – играются, молча у искусственной елки. Отодвинула трубку от уха. Опустит на рычаг и все исчезнет. Не смогла.

– Да.

– Ты не занята? Я так понял, ждала кого-то другого?

– Слушаю тебя внимательно.

Обойдется на такие вопросы ответы требовать.

– Я тут подумал может…встретимся?

– Нет! – Помимо воли не заметила, что кричит.

– Пойдем завтра поужинаем? Столько лет не виделись. Поговорим. Мы ведь не враги.

«Враги, мать твою! Мы враги! Ты мой самый первый враг и единственный!»

Ника прикусила губу до крови, пальцы на трубке побелели от сильного напряжения.

– Я завтра занята.

Тишина…Слышно его дыхание…

– Хорошо тогда послезавтра.

Теперь она молчит. Хочет закричать на него снова и не может. В горле застрял ком.

– Во сколько за тобой приехать?

"Нет, только не это!".

– Я сама приеду. Куда?

– Давай на Садовом. Помнишь то кафе?

Ника зажмурилась, сдерживая бешеный стук сердца. Конечно помнит – это их кафе.

– Помню.

– Тогда вечером на Садовом? Я буду ждать тебя в восемь?

– Да.

Швырнула трубку и стиснула зубы с такой силой, что заболели скулы.

"Ты что творишь, Серебрякова? Зачем согласилась? Дура! Почему не гонишь в шею?"

***

Ника боязливо посмотрела на мать – хоть бы не догадалась. Анастасия Павловна такой разнос ей устроит, что мало не покажется и будет права. Дочки, как котята ворошатся с новыми игрушками. При взгляде на них на душе потеплело. Хоть у кого-то сегодня праздник. Вспомнила, как уезжала из роддома домой. Кроме мамы и Светки никто не приехал. Медсестра еще масла в огонь подлила: "А деток нужно мужчине выносить, где ваш папка?". Мама со Светкой так на нее посмотрели, что бедняга тут же убежала. А что если Асланов узнает о детях? Как он себя поведет? Вдруг отнимет? С его-то возможностями и бабками любой комитет можно подкупить. Ужас тут же сковал льдом. Бросилась к девочкам, расцеловала. Прижала к себе. Малышки попытались освободиться, чтобы продолжить играть. Ника позволила им соскользнуть на пол. В дверь позвонили.

– Ну и кого там несет нелегкая? – Проворчала мама, выглянула из кухни с чайником в руках.

– Сейчас посмотрю. Ма – Это Светка.

Подруга ворвалась в дом как ураган. Запах терпких духов, сигарет и снега. Светка приносила с собой хаос, она словно торнадо закручивает вокруг себя все и всех. Она тряхнула выкрашенной в блонд шевелюрой, и тающие снежинки посыпались на пол.

– Ника! Сестренкааа! А я крестницам медку притащила, сперла потихоньку. Нам вчера свеженького завезли. Да и яблочек с мандаринками. Нам с тобой – шоколадку. Анастасия Павловна, чайничек поставите?

– Да уже и закипел, вроде. Светуль, ты проходи. Не толпитесь в дверях, а то сквозняк, девочки только из простуды вылезли.

Ника повесила полушубок Светы и взяла из рук пакеты.

– Ну, ты даешь! Спасибо, Светик, но не надо было…так неудобно.

– Серебрякова, если ты сейчас не замолчишь – дам в глаз. Я не тебе принесла, а моим ангелочкам. Спиногрызики, вы чего мамку вторую не встречаете?

Дочки радостно подлетели к крестной, обняли за ноги с двух сторон. Из всех друзей только Света различала девочек. Никогда не путала, кто есть кто. А ведь и правда вторая мама, сколько раз помогала и ночами сидела и с садика забирала. Таких подруг как Светка раз – и обчелся.

– А нам мама иглушки принесла. Вот смотли у меня зая.

– А у меня кися.

Светка присела на корточки, расцеловала детишек, с интересом рассмотрела подарки и ее брови удивленно поползли вверх.

– Серебрякова, игрушки где купила? Качественные и дорогие…

Ника тут же поняла ход ее мыслей.

– Свет, я тебе кофе сделаю, пойдем на балкон – поговорим.

Ника многозначительно посмотрела в сторону кухни, показывая подруге, что мама все слышит. Светка понимающе кивнула, затем с диким визгом повалила крестниц на ковер, щипая за животики. Малышки заливаются от смеха, пинаясь и брыкаясь. Светка всегда устраивала им маленький праздник, а они любили ее до безумия. Бедняжки, не кому с ними даже поиграть. Ника на работе, мама еле ноги передвигает. На улице с ребятишками отцы резвятся: на плечи сажают, подбрасывают, а ее девочки с нескрываемым восторгом смотрят со стороны. Скоро зададут самый страшный и неприятный вопрос: "Мама, а где наш папа?"

***

– Абалдеть! Вернулся-таки гад? Вот блин, мир тесен. Надо ж было тебе его встретить. Ну что стоишь бледная, как поганка? Объявился и хорошо, пусть за четыре года алименты отдает.

Светка отпила кофе и затянулась сигаретой.

– Я не буду ему о детях говорить. Боюсь его, Света. Ты бы видела, на какой тачке катается, как одет. Он у меня девочек заберет.

– Вот ты была дурой, Вероника, такой и осталась. Что значит заберет? Они что куклы какие-то? Да и вообще раз деньги есть – пусть помогает. Вы скоро ноги протянете, твоей зарплаты явно не хватает. Девочки растут, им одежда нужна, еда, игрушки. Серебрякова, ты должна ему рассказать.

Ника нахмурила брови, сжала руки в кулаки:

– Нет! Он их не получит! Мы не продаемся. Жили без него и еще проживем. Пусть валит в свою Америку. Не позволю я ему наслаждаться их любовью. Не прощу никогда.

– Ну и загнетесь с голоду – зато гордые. Что-то ты больно нервничаешь. Не забыла еще своего Отелло америкосского?

Фыркнула Светка.

– Не загнемся. У меня тоже скоро деньги появятся. А на него мне наплевать!

Светка с интересом посмотрела на подругу.

– Это каким образом. Неужели подцепила кого-то, тихоня?

– Тимофеев посылает меня заключить сделку с одним американцем на очень большую партию сотовых. Говорит, заключу – бонус получу большой.

Света прищурилась и поставила чашку на подоконник.

– Твой Тимофеев скользкий змей, не верю я ему. Тут есть что-то еще.

– Есть. Американец падок на женщин и возможно придется его уговаривать известным способом.

– И ты согласилась? Не верю! – Глазки Светы заблестели, она с недоверием посмотрела на подругу.

– Сказал, уволит, если откажусь.

– Вот козлина! Ты ему когда-то дала от ворот поворот – мстит сволочь. Знаешь что – ты пошли его подальше, Ника. Не нравится мне эта затея. Где это видано работников под клиентов подкладывать? Найду тебе работу. Со мной на лоток пойдешь.

– Я уже деньги взяла…и потратила – Тихо сказала Ника, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза.

Светка от злости разлила остатки кофе и грязно выругалась.

– Ну, ты и дура, Серебрякова! Дура беспросветная! Ты почему сначала со мной не посоветовалась?!

Ника закрыла лицо руками, чтобы Светка не видела, что слезы предательски катятся по щекам.

– Дурочка!

Подруга прижала ее к себе

– Ну не реви, а то и я сейчас присоединюсь. Все, хватит, а то нос покраснеет. Что за американец? Хоть симпатичный?

– Ннезнаюю. Светка, я влипла, да?

– Ну это мы еще посмотрим, кто влип. – Горячо возразила подруга – Мы твоего американца окрутим и женим. О, как!

Ника захлопала глазами, удивленно глядя на подругу. Светка вытерла слезы с ее щек.

– А что? Мужикам их наши девки нравятся. Слушай, Серебрякова, а может это твой шанс? Ну что смотришь и глазками луп-луп? Влюбим мы в тебя америкашку и будешь в золоте купаться.

Ника улыбнулась сквозь слезы.

– Свет, шутишь да? Кому я нужна с таким-то довеском?

Светка скептически осмотрела подругу.

– Не ну мы тебя приоденем, и будет очень даже ничего. Тимофеев бабок дал?

Ника кивнула.

– Вот и отлично. Я из тебя конфетку сделаю. Когда ты с этим америкосом встречаешься?

– Завтра в семь. – Света действовала на Нику как хорошее успокоительное, теперь ей и самой стало забавно.

– Да не понравлюсь я ему.

– А это мы еще посмотрим. Ты слишком себя недооцениваешь, сестренка. Зарылась в свой панцирь разведенки. Волосы шикарные, глазищи как у куклы, грудь, талия, ноги от ушей. Фотомодели отдыхают. Ника, по тебе плачут лучшие агентства Европы. Америкос будет нашим.

Ника захохотала, впервые за эту неделю. От души. Весело.

– Ты, правда, думаешь мне стоит попробовать его …Блин, смешно – я не умею.

– Научишься. Английский знаешь, умная, красивая. Ух, чует мое сердце перевернет эта встреча твою серую повседневность. Значит так– завтра в парикмахерскую, потом макияж, потом оденем тебя. Я с девчонками посижу вечерами, а ты вперед и с песней, Серебрякова.

Ника вдруг вспомнила, что послезавтра встречается с Андреем и настроение вновь испортилось.

– Дурная затея, Светуль. Посмеялись и хватит.

– Вероника, не дурная, жизнь это, понимаешь? В ней все вот так неожиданно и бывает. Не спорь. Мы попробуем, а там как пойдет. Я еще Люську припашу, мы твою ребятню вместе присмотрим.

ГЛАВА 4

Андрей медленно едет по ночному городу. "Дворники" быстро сгребают мокрый снег на лобовом стекле. Дисплей сотового все еще светится зеленым огоньком. Асланов прокручивает в голове каждое сказанное Никой слово. Он сам толком не понял, каким образом позвонил ей. Просто обнаружил, что цифры набраны, а в трубке звучат длинные гудки. Она согласилась встретиться, но почему-то радости это не принесло. Согласилась с какой-то натяжкой, словно нехотя. Сделала одолжение. Он просто идиот. Зачем ему все это нужно? Зачем ворошить прошлое? Еще в самолете клялся себе, что не позвонит и встречи искать не будет, а лишь нога коснулась родной земли – метнулся на хорошо знакомую улицу. "Просто поговорим, как старые знакомые. Ничего такого. Кофе, мороженое и по домам" – Подумал он и тут же понял, что врет сам себе. Не забыл. Ищет встречи, как и много лет назад. Она по-прежнему имеет над ним странную власть. Сколько раз он думал о ней за эти годы – не счесть. Кто рядом с ней сейчас? Кто позвонил перед ним? Кому она заявила, что устала? Наверняка еще один несчастный, который сходит по ней с ума, а она играет им как игрушкой.

Машина свернула в переулок, медленно скользя по темным улицам. В каждом городе есть свой район "красных фонарей". Примерно в одних и тех же местах – он не ошибся, а вот и "бабочки". Стоят у обочины, словно в витрине магазина – выбирай любую. Он не любил по заведениям. Не любил, чтоб его запомнили, не любил постоянства. Ярость и желание поднимаются из глубины души. Эту ночь он не хочет проводить один. Впрочем, как и всегда, когда вспоминает о Нике, его неумолимо одолевает гнев и тоска по ее телу. Остановился. Выбирает. Все не то. Снова медленно едет по-над тротуаром. Нашел. Похожа.

Хрупкая блондинка переминается с ноги на ногу, дрожа от холода. Кожаная куртка едва прикрывает аппетитную попку, затянутую кожаной юбкой, волосы, распущенные по плечам, развеваются на ветру. Открыл окно. Поманил пальцем.

– Тридцать баксов час, – Тихий голосок, но уверенный. – Сто баксов ночь.

Цену конечно завысила, но ему плевать.

– Поехали.

***

Завел ее в номер. Она потянулась к выключателю. Перехватил руку, дернул к себе. Обхватил лицо ладонями. Она молчит. Он гладит длинные волосы, а гнев поднимается в душе яростной волной. Отбросил куртку на пол, прижал к стене. Закрыл глаза, стараясь не дышать, рука скользит по атласной поверхности чулок. Потянул трусики вниз, скользнул рукой между стройных ног. Пальцы привычно ласкают нежную плоть, исторгая из нее фальшивые стоны наслаждения. Плевать – пусть притворяется. Нажал на ее плечи, опуская на колени – поняла без слов. Закрыл глаза, позволяя наслаждению овладеть каждой клеточкой тела. Вместо привычного обволакивающего чувства – лишь пустота. Эрекция сильнее обычного, но разрядка на горизонте и не маячит. Вцепился в тоненькие волосы, подался вперед, уже не жалея. Она всхлипывает, но не останавливается, умело работает ртом, наивно предполагая, что он скоро кончит. Поднял с пола, толкнул на постель, пахнущую дешевым стиральным порошком. Развернул к себе спиной, надавил на поясницу, заставляя прогнуться. Обхватил бедра горячими ладонями. Рука скользнула в карман за "резинкой", секунда и он уже двигается в ней с привычной жесткостью и резкостью, в непреодолимом желании получить разрядку. Перед глазами другое тело, другая женщина. Она перестала притворяться, он слышит ее бурное дыхание, чувствует какой влажной стала плоть, сжимающая твердый член тугим кольцом. Все механически, как робот – ни чувств, ни удовлетворения. Напрасная надежда заменить глоток терпкого вина разбавленной брагой. Секс уже давно потерял свою остроту из-за вечной погони за настоящей страстью. В награду легкая, скоротечная вспышка и чувство гадливости и сожаления. Оргазм без оргазма – так он называл свои походы по шлюхам.

***

Курит. Огонек от сигареты дрожит в предрассветном сумраке. Часы на казенной тумбочке гостиничного номера показывают 4:30. Вскочил с разоренной постели подошел к окну, разукрашенному причудливыми морозными узорами. Натренированное тело бугрится рельефом мышц, которые перекатываются под смуглой кожей. На плече татуировка – пасть оскалившегося тигра закрывает старый шрам. Широкие плечи, узкая талия, сильные бедра и крепкие ягодицы. Поднял руки, раскрыл ладони, прижал пятернями к стеклу, пальцы медленно сжались в кулаки.

Она встала с постели. Никто. Без лица и без имени. Какая по счету? Он даже не обернулся, когда за ней захлопнулась дверь. Никакого удовольствия. Грязь. Пустота. Голый секс. Как ему все надоело. Опостылело. Осточертело.

Оделся быстро, как в армии. Вышел на мороз – поежился, снова закурил.

"Идиот ты, Асланов, они ее не заменят. Никогда. Никто. Смирись и живи дальше" – подумал и ответил сам себе – "Жил бы дальше, если б не увидел ее снова, а так – просто существую. Въелась в мозги, как заноза проклятая. Женааа, мать ее. Бывшая. Долбаная. Жена! Сука, спавшая с моим лучшим другом… а я ей названиваю, как дебил. Зачем? Хер ее знает зачем. Но я бы ее трахнул. Вот так, как эту шалаву, поставил раком и оттрахал и наконец-то бы кончил с воем и рыком".

Ника с трудом выносила любое вмешательство во внешность. Каждое изменение всегда давалось ей с трудом, но Светка неумолима. Разве можно с ней спорить, когда эта фурия что-то вбила себе в голову? Ника уверена, что все старания подруги совершенно напрасны и идея поистине бредовая. Теперь она смотрела на себя в зеркало, а руки парикмахера Игоря умело колдовали над ее шевелюрой. Он причитал, что грех такие волосы прятать в косу. Непременно распустить, завить, подрезать концы и носить как гордость всего женского рода. Ника была категорически с ним не согласна, но возразить не смела. Всевидящее око Светки не давало расслабиться. Подруга сидит рядом, и наблюдает за колдовством Игоря, периодически давая советы. Наконец экзекуция окончилась и теперь Ника совершенно не узнавала свои волосы. Наверно все-таки парикмахер прав и они могут быть красивыми. Самой ей в

жизни их так не уложить. Легкими волнами русые локоны спускаются на плечи, челка кокетливо падает на глаза. Все непосредственно и естественно, словно не возился с ней Игорь два часа, а всего лишь провел расческой. Теперь над лицом колдует визажист. Натирает кисточкой щеки, мажет кремом.

– Закрой глаза. Теперь открой.

Ника послушно подчиняется и мысленно уже застрелила Светку десять раз, но та непременно восстает из мертвых и продолжает командовать парадом. С этой частью тоже покончено. Ника бросила взгляд на роковую красотку в зеркале и решила, что там показывают совсем другую женщину. Синие глаза искусно подчеркнуты черным карандашом, серебристо – аквамариновые тени в тон купленному накануне платью придают взгляду глубины и сексуальности. Светка вынесла вердикт – " Потрясающе". Ника провела кончиком языка по накрашенным губам и обреченно вздохнула.

– Серебрякова, если раньше я считала тебя красавицей, то теперь просто жалею, что я не мужик и подыхаю от зависти. Игорек, Наташа – вы чудо. Так, подруга – теперь едем ко мне – одеваться.

Таксист аккуратно притормозил у Оперного театра. Пересчитал деньги и сунул в засаленный карман брюк. Ника отворила дверцу "волги" и осторожно ступила ногой на лед. Воздух холодный, но ветра нет. Мороз приятно покалывает кожу. Осмотрелась по сторонам – как всегда в это время по пятницам в центре народу тьма-тьмущая.

"Вот и чудесно, так легко потеряться в толпе. Все же безумная затея Светки мне не нравится и воплощать ее в жизнь я не собираюсь. Может получится этого Джонсона и так уболтать без лишних жертв".

Посмотрела на многочисленные ступени, укуталась поплотнее в полушубок Светки и осторожно шагнула вперед. Туфли на шпильках предательски скользят на покрытой льдом дороге. Мимо прошла компания парней – все как по команде обернулись, и Ника поймала на себе их восхищенные взгляды. Набрала побольше воздуха и поднялась по ступеням.

Зашла в полутемное помещение, освещенное красивыми цветными люстрами из чешского стекла. Осмотрелась по сторонам – слишком много людей. Как среди этой толпы найти американца?

Бросила взгляд на зеркало – в нем отразилась великолепная блондинка с длинными волнистыми волосами, в узком темно – синем платье "миди". Трикотаж обтянул фигурку как вторая кожа, серебристый тоненький пояс подчеркивает тонкую талию. Ноги затянуты в черные ажурные чулки, туфли на высоченной шпильке делают Нику выше на десять сантиметров. Накрашенное лицо кажется чужим и вульгарным. Ника никогда не использует так много косметики. Нахмурилась и шагнула к стойке бара.

Бармен вежливо поздоровался. В этот момент подошел портье в элегантном, строгом костюме.

– Добрый вечер. Столик заказывали?

Ника растерянно посмотрела на него:

– Меня должны здесь ждать. Некий господин Джонсон.

Лицо портье тут же расплылось в улыбке.

– О да, конечно. Меня просили провести вас лично к столику. Пройдемте.

Ника последовала за мужчиной, чувствуя неловкость от слишком шикарной обстановки. Портье вел ее в конец залы. Ника всматривалась в лица мужчин за столиками, пытаясь угадать кто же из них знаменитый Джонсон. Наконец они подошли к самому дальнему столику в зоне VIP. Здесь количество посетителей резко снизилось, и за столиками сидели в основном по двое или трое.

– Господин Джонсон – обратился по-английски портье к мужчине за столиком слева. Тот отмахнулся от него, словно, не замечая и продолжая говорить по сотовому. Он даже не удостоил взглядом и Нике захотелось тут же сбежать. Портье ушел, а она так и осталась стоять, словно изваяние. Вилли Джонсон резко жестикулировал и говорил на повышенных тонах. На вид ему не больше

сорока. Очень представительная внешность. Можно даже сказать, что он красивый. Темные волосы аккуратно заглажены назад, лицо чисто выбрито. Волевой подбородок, резкие черты лица, густые брови на висках серебрятся тоненькие ниточки седины. Худощавый, подтянутый – наверняка тренажерный зал, личная массажистка и бассейн два раза в неделю. На пальце сверкнула массивная золотая "печатка". Поднял голову и на секунду замолчал, отнял трубку от уха и устремил на Нику пронизывающий взгляд. Серые глаза рассматривают пристально с интересом.

– Я перезвоню – Захлопнул крышку мобильного. Продолжает смотреть и молчит, а у Ники от этого взгляда мурашки по коже. В этом человеке чувствуется странная сила, властность, жестокость. Такое чувство испытываешь, когда вдруг общаешься со знаменитостью или политиком. Не то чтобы у Ники был подобный опыт, но именно такими она представляла себе депутатов или даже президента, а возможно и олигархов.

– Good evening mister Johnson*1

– Добрый вечер, Вероника Алексеевна. – на чистом русском ответил Вилли Джонсон и улыбнулся, увидев ее изумление. Ровные белоснежные зубы сверкнули в голливудской улыбке. – Не ожидали? Из меня американец так и не получился.

Он встал с мягкого кресла и вежливо помог Нике сесть.

– Вячеслав Сергеевич не сказал мне, что вы настолько прекрасны, Ника. Можно так фамильярно?

Она кивнула и почувствовала, как он снимает с нее полушубок и аккуратно вешает на спинку кресла.

– Простите со своими оболтусами говорил. Стоит оставить бизнес и все переворачивается как в классе, когда учитель вышел на минутку.

Ника улыбнулась, впервые почувствовав облегчение. Джонсон оказался далеко не тем ужасным снобом, которого она себе представляла. Очень аккуратный, вежливый и веселый.

– Что для вас заказать? Проголодались?

– Нет, спасибо вам. Мне чашку кофе.

Он удивленно на нее посмотрел, махнул рукой и тут же, как из-под земли вырос официант.

– Принеси чашку кофе, мороженое ваше фирменное с шоколадом и клубнику даме. Мне двойной эспрессо без сахара и бокал виски.

Посмотрел на Нику пронзительно-серыми глазами и девушке показалось что в его взгляде промелькнуло нечто не поддающееся определению. Нечто странное. Не мгновенная похоть. А даже глубже. Он склонил голову к плечу, рассматривая ее.

– Итак, Вероника Алексеевна, приступим?

– Да, конечно. Я вот каталог принесла, проспекты с подробным прейскурантом цен и…

Он засмеялся, и Ника замолчала.

– Я имел ввиду приступим к знакомству, Вероника Алексеевна. На договор время еще будет. Расскажите о себе. Как долго у Тимофеева работаете?

"Не хочет говорить о сделке. Наверно уже передумал или цену себе набивает. Действует по правилам опытного продавца. Втереться в доверие, найти общее и потом продать"

– Пять лет.

– Много. Совсем девочкой на работу устроились? После школы?

Ника вновь улыбнулась.

– Можно и так сказать. Работала и училась.

– На кого учились?

– На учительницу истории, – Ответила тихо.

Он засмеялся громко, заразительно, а Ника смутилась.

– Совсем на училку не похожи. Представляю физиономии учеников при виде такого красивого преподавателя. Особенно старшеклассников. Вы не похожи на типичного работника маркетинга. Не вижу в вас настырности и наглости. Справляетесь с работой?

"Он меня прощупывает и проверяет на вшивость. Может даже сомневается в моем профессионализме. Серебрякова покажи характер, не будь мямлей".

– Отчего же, я очень хорошо справляюсь со своей работой, господин Джонсон.

– Вова.

– Что?

– Меня зовут Владимир, для вас Вова.

Ей стало неловко. Этого мужчину нельзя называть просто Вовой. Не правильно это как – то. Ну почему он все время сбивает ее настрой.

– Я хочу сказать, что прекрасно знаю специфику маркетинга. Я люблю свою работу. Вот, например, для вас мы разработали целый план по выгодному использованию трафика и…

– Интересно в парке Горького все еще есть подвесная дорога?

Ника замолчала, этот человек постоянно сбивает ее с толку неожиданными поворотами в беседе.

– Ника, будьте моим гидом по городу. Я уже больше десяти лет не бывал здесь. Покажете мне достопримечательности?

– Конечно, – ответила девушка, – покажу.

– Я уже и подзабыл все. Все время с личным водителем, на дороги и внимания не обращаю. Ужасно хочу объездить весь город. У меня на все про все пару месяцев, а гида нет. Тем более мой начальник охраны похлеще чем КГБ, он никого ко мне не допускает. Но уверен – перед вами не устоит.

Ника вновь растерянно улыбнулась. Официант принес кофе и поднос с шариками мороженого, политого шоколадным сиропом и украшенным клубникой со сливками. Ника почувствовала, как сводит скулы от вида такого деликатеса зимой. Владимир по-джентельменски положил в ее блюдце десерт, спросил, сколько сахара ей насыпать. Затем достал золотой портсигар и закурил сигару, не преминув спросить у нее позволения. Ника тоже достала из сумочки пачку сигарет. В его руке блеснула "зиппо" с дизайнерским оформлением, он поднес ее к сигарете Ники. Официант тут же принес пепельницу и незаметно исчез.

– Владимир…

– Вова – поправил он и затянулся дымом, затем выпустил кольца в воздух. Ника достала из сумочки папку и положила на стол.

– Вова, я хотела бы чтобы вы ознакомились с нашей продукцией. В этом каталоге новые модели компании…

Внезапно он накрыл ее руку, лежащую на папке своей теплой ладонью.

– Ника, давайте договоримся. До того, как вы пришли, я мечтал подписать этот договор как можно быстрее и смыться отсюда в сауну. Но сейчас понимаю, что, если подпишу эту бумажку – я вас больше не увижу. Поэтому я не буду сейчас подписывать документы. По крайней мере, сегодня.

Ника насторожилась. Она с недоверием посмотрела на собеседника. Скорей всего это способ потянуть время и возможно сбить цену, с этими трюками она тоже хорошо знакома. Владимир вновь улыбнулся.

– Думаете, я морочу вам голову как многие из клиентов?

– Нет что вы! – Спохватилась Ника.

– Да ладно, я бы на вашем месте тоже так подумал. Знаете, Ник, давайте ваш договор.

Ника протянула ему папку, он открыл ее, достал из кармана золотую ручку "паркер" и размашисто подписался на каждом листке, даже не глядя. Потом подвинул папку к себе и посмотрел на Нику.

– Я подписал, но отдам вам ее через несколько дней. Нет, я буду отдавать по кусочку каждый раз, когда вы согласитесь со мной встретиться.

Она думала – он шутит, но ничего подобного собеседник оставался серьезным как никогда.

– Чем чаще встречи – тем быстрее все бумаги будут у вас.

"Ну вот, началось. Черт, а я-то дура надеялась, что избегу всего этого". Но не с ее счастьем. И подонок Трофимов знал, чего захочет этот Вилли, чтоб его, Джонсон.

Владимир вдруг посерьезнел.

– Вы можете отказаться. Я ни в коем случае не настаиваю.

"Ага, а потом порвешь бумаги и скажешь, что передумал".

– Я вам верю, Вова. Я с удовольствием встречусь с вами снова.

Его глаза блеснули.

– Ника, вы замужем?

Она отрицательно покачала головой.

– Но парень есть наверняка.

– Нет. Я свободна как ветер. – Ответила Ника и решительно отпила кофе. Хотя сбежать захотелось просто невыносимо. Но голос Тимофеева все еще звучал в ушах: "Твоих девок быстро социалка заберет"

Было видно, что ответ ему понравился.

– Тогда можно завтра я пришлю за вами машину?

"Завтра у меня встреча с Андреем. Я не могу"

– Даже не знаю и…

Владимир с интересом посмотрел на нее в упор.

– Значит кто-то есть. Так бы сразу и сказали. Почему женщины не торопятся рассказывать о своих эммм…друзьях…любовника. Коварные и прекрасные существа.

"Ну вот сейчас моя сделка накроется медным тазиком. Асланов, ты и так много чего испортил в моей жизни. Сейчас я не позволю тебе сделать это снова".

– Нет. У меня и в самом деле никого нет. Можно и завтра. Куда хотите поехать?

Он удовлетворенно улыбнулся и что-то хищное мелькнуло в этой улыбке. А еще почему-то смутно ей знакомое. Незначительное и легкое, как мазок краски на уже разрисованном холсте, словно еще один рисунок.

– У меня завтра пресс-конференция, а потом я свободен. Хочу покататься по городу. Давно не гулял по ночным улицам. Составьте мне компанию на конференции и на прогулке.

"Он зовет меня на важное заседание с прессой? Зачем? Ведь он меня совсем не знает. Что это вежливость? Интерес? По его глазам ничего не прочесть. Могу ли я отказать? Кто он этот Джонсон? Он совсем не так прост, как кажется".

– Хорошо – ответила Ника и отвела глаза, когда он вновь все так же пристально впился в нее взглядом светлых глаз.

– Я пришлю за вами машину в восемь вечера. Заодно поймете чем именно я занимаюсь. Я очень рад, что Тимофеев прислал именно вас. Даже не ожидал, что получу столько удовольствия от общения.

Он бросил взгляд на часы.

– Мне пора. Важная деловая встреча. За вами приедет такси. Уже заказано и оплачено. Просто скажете адрес. Ника, у вас самые потрясающие глаза из всех, что я когда-либо видел.

"Банально, но подкупает. Впрочем, ты это говоришь всем хорошеньким знакомым женщинам, которых планируешь затянуть в постель". Интересно Асланов тоже так говорил своим знакомым женщинам, прежде чем затянуть их в постель? Нике говорил… и про глаза, и про губы.

Джонсон встал из-за стола. Ника вместе с ним. Он протянул ей руку, и она пожала его мягкую ладонь. Владимир поднес к губам тонкое запястье и едва коснулся кожи поцелуем.

– До встречи.

ГЛАВА 5

Тимофеев испуганно оглядываясь по сторонам, выскользнул из старенького "москвича" и нырнул в арку между дворами. Подняв повыше воротник, и натянув шапку на глаза, быстрым шагом прошел в старый обшарпанный подъезд. Запах затхлости и мочи ударил в ноздри, заставив поморщится от брезгливости. Довольно шустро для человека с его весом он побежал по щербатым ступеням наверх. Остановился у деревянной двери выкрашенной в ядовито-зеленый цвет. Местами краска выцвела и облупилась. Славик беспокойно потоптавшись на месте, все же позвонил в вывернутый наизнанку звонок. Дверь отворили не сразу. Когда наконец щелкнул замок Тимофеев с испугом посмотрел на

здоровяка в черном элегантном костюме, абсолютно лысого с пистолетом в руке. Тот втянул Славика за шиворот в коридор, развернул лицом к стене и быстро обыскав толкнул в комнату. Если за дверью царила нищета и убожество, то внутри помещения все блестело и сверкало стерильной чистотой. Евроремонт, стильная мебель, жалюзи на окнах и живые цветы в плетенных горшках, распустили листья словно лианы. Тимофеев споткнулся о порог и ввалился в просторную комнату. В кресле вальяжно сидит мужчина лет сорока в домашнем халате с дымящейся чашкой в одной руке и сигарой в другой. Перед ним на журнальном столике газета "Вечерний Город". Мужчина поднял на Тимофеева глаза и тот съежился под тяжелым взглядом хозяина квартиры.

– Славик, дорогой, что ж ты так долго не появлялся? – Пропел мужчина неестественно дружелюбным тоном и указал Тимофееву на кресло рядом.

– Толик, сообрази для Славика водочки с закуской.

– Не Геннадий Петрович, я ж за рулем. – Несмело возразил Славик.

Мужчина бросил на него насмешливый взгляд:

– Я даю тебе достаточно бабла, Славик, чтобы ты всех ментов на дороге с потрохами купил. Давай нам водки и лимончик порежь.

Здоровяк кивнул и скрылся за своеобразной портьерой из длинных нанизанных на леску стеклянных шариков.

– Ну, я слушаю тебя. Какие новости?

– Вчера она с ним встретилась. Он клюнул – назначил еще одну встречу. Все идет по плану.

Геннадий Петрович поджал губы и затянулся сигарой, выпустил дым в сторону Славика и тот закашлялся. Повернулся к собеседнику, и только теперь стало заметно, что один из его глаз неестественно блеснул в луче света. На щеке едва заметные следы от ожога многолетней давности. "Одноглазый" – так называют Холодкова в бандитской среде. Десять лет назад его машину взорвали, и тот остался без глаза, чудом не успев сесть в автомобиль, напичканный

взрывчаткой. Горящие ошметки резины с колес взорванного автомобиля опалили всю левую часть его лица. Многочисленные пластические операции вернули ему нормальную внешность, но глаз врачи спасти не смогли.

– Она ему понравилась?

– Думаю да. Вероника красивая женщина, правда, лоска не хватает и немного старомодна, но в его вкусе это точно. Вот – посмотрите.

Славик дрожащей рукой достал из-за пазухи фото и протянул собеседнику. Тот медленно взял снимок и придирчиво рассмотрел, даже очки одел.

– Хороша. Согласен. Где только выискал такую? Но где гарантия, что сегодня он ее не трахнет и не выставит за дверь как всех остальных?

Славик заискивающе улыбнулся:

– Геннадий Петрович, я хорошо знаю Серебрякову она не такая – за нос водить умеет. Не даст ему ни сегодня, ни завтра можете быть уверенны.

– Ты ее проинструктировал? Славик, ты объяснил ей, что нужно сделать?

Тимофеев замялся.

– Ну, я пока хотел просто посмотреть, как все пойдет деньжатами ее задобрить, показать другую жизнь. Здесь нельзя торопиться, Серебрякова так сразу на это не пойдет.

Геннадий Петрович яростно посмотрел на Славика и тот съежился от страха.

– Славик, мать твою, я тебе что сказал? Мне нужна такая девка, которая будет согласна на все. Ты кого ему подсунул, идиот?

– Но…но вы искали красивую, умную чтоб в деньгах нуждалась…где я такую найду? Тем более блондинку, чтоб Коршуну понравилась…определенного возраста…это не так-то просто…

– Славик, я за что тебе плачу? Ты забыл с какого дерьма я вытащил тебя и твой гребаный бизнес? Тебя замочить хотели, если б не взял под свое крыло, покоился бы ты в братской могиле в лесопарке. Я могу тебя им слить прямо сейчас. Один звонок и ты – труп.

Тимофеев словно замер от ужаса, на его лбу выступили капельки пота, а левая щека начала нервно подергиваться.

– Она согласится, Тимофеев. Ты ее заставишь. Кто там у нее мать старая и девки? Заартачится – скажешь бабку пристрелим, а ссыкух ее малолетних на органы продадим. Мне нужен код от сейфа, Славик. Нужен как можно быстрее. Коршун укатит в свои штаты и поминай как звали. Камушки при нем, он привез с собой целую партию. Там миллионы, мои миллионы. Этот сукин сын подставил меня и укатил с моими бабками десять лет назад, он задолжал мне, а долги надо возвращать.

Поговаривали так же, что это Коршун пытался убить Генку Холодкова, чтобы не делиться с напарником нехилым барышом после крупной махинации, которую те вместе провернули.

Лицо Геннадия Петровича побагровело от ярости. Появился здоровяк с подносом, хозяин схватил рюмку водки и залпом осушил, заел лимоном.

– Еще! – Рявкнул и снова посмотрел на Славика, как тот корчится и пьет водку большими глотками. Все презрение отразилось на лице Одноглазого.

– Значит так. Мне плевать, как ты это сделаешь! Пусть эта телка вотрется к Коршуну в доверие, проникнет к нему в дом и достанет проклятый код.

– Но его никто не знает кроме самого Коршунова, никто из приближенных. В доме есть ваши люди, но и они до сих пор ничего не пронюхали. Говорят, он открывает его в полном одиночестве, а комбинацию цифр меняет каждые пару дней.

– Славик, мне наплевать, понимаешь? Я сказал достать код – значит достань. Поэтому я просил найти девку, которая сможет не просто затянуть его в

постель, а окрутить, как следует. Приблизиться настолько, чтобы он ей начал доверять. Б****ей я и сам отыскать горазд, да и почует он их за версту. Мне нужна особенная. Понимаешь?

Славик кивнул.

– Твоя Серебрякова такая? Спрашиваю последний раз – на эту девку можно рассчитывать?

– Дддда. Мммножно. Она скоро от нищеты ноги протянет. За квартиру долг уже больше трех месяцев, коммунальные услуги не оплачены.

Геннадий Петрович задумался, вновь закурил.

– Надо ее простимулировать. Чтоб появилось желание работать лучше. Хозяина ее квартиры знаешь?

Тимофеев отрицательно мотнул головой.

– Узнай. Пусть придет к ней и потребует оплатить немедленно. Со скандалом. Мои ребята отключат ей газ и электричество. Сделаешь вид, что заплатил за нее – пусть будет от тебя зависима. Понял, Тимофеев?

Славик испуганно смотрел на собеседника.

– Понял?! – Рявкнул Геннадий Тимофеевич.

– Понял.

– А теперь – пшел вон! Уморил ты меня.

– Ну что, Асланов? Что за физиономия в субботу утром? Что ночью делал? Как всегда, по бабам?

Коршун отпил из пластмассового стаканчика кофе и посмотрел на Андрея, который слишком сосредоточено вел машину.

– Что молчишь? Угадал ведь?

– Какие бабы, Владимир Александрович? – Асланов свернул на центральную улицу.

– Дешевые. На Центральной по вечерам таких пруд пруди. Тебе девушка хорошая нужна. Может, женишься, детей нарожаете. Молодой ведь.

Андрей хмыкнул. Какие дети с его работой? Если он днюет и ночует в доме босса. Свою квартиру месяцами не видит. Там пыль уже в три слоя, как ковер. Резануло по больному. Нет – никакой женитьбы, никаких девушек. Он уже попробовал. Хватит.

– Зачем мне баба? Вот вы, например, тоже не торопитесь.

– Я, Асланов, другое дело. Женщины возле меня крутятся из-за денег, роскоши славы хотят. Зачем я им нужен, не молодой, далеко не красавец. Их привлекают брюлики, Андрюха. Блеск золота. Нахрен они мне нужны? Я могу каждый день новую иметь. Все одинаковые. Одна долго ломается, другая в тот же день ноги раздвигает. Вот и вся разница между ними.

– Как прошла встреча с кралей из "телекома"?

Андрей бросил взгляд на босса тот улыбнулся мечтательно так, необычно. Холодные стальные глаза сверкнули, потеплели.

– Хорошая девушка. Не краля. Редко таких встретишь, словно, пришла ко мне из семидесятых. Красивая, умненькая и хрупкая такая.

Теперь Асланов удивился. Только что такой циничный Коршун вдруг стал похож на сентиментального одинокого холостяка.

– Зацепила? – Усмехнулся, закурил.

– Пока не знаю. Удивила, наверное. Искренняя, простая. Общаюсь с ней и забываю, кто я на самом деле.

– Бумаги подписали?

– Подписал, но ей не отдал.

Асланов бросил взгляд на босса – тот словно задумался.

– Почему?

– Отдам и не увижу ее больше.

– Значит понравилась. Никогда не слышал от вас ничего подобного.

Коршун допил кофе и поставил стаканчик.

– Она – как глоток свежего воздуха. Вокруг грязь, фальшь, а эта девушка бриллиант в куче навоза.

– Как поэтично. – Асланов снова усмехнулся.

– Издеваешься, да?

– Ни капли. И когда новая встреча?

– Сегодня возьму ее на пресс-конференцию. Потом обещала со мной по городу покататься.

– Ух, ты. По городу до ближайшей гостиницы?

Коршун фыркнул, только Асланову можно было вот так разговаривать с ним. Других бы давно с дерьмом смешал, да и не посмели бы.

– Асланов, ты болтай да не заговаривайся. Девчонка хорошая, в гостиницу не поедет. Она не такая.

– Ага! Я не такая, я жду трамвая? Владимир Александрович, они все одинаковые, только одна дешевле – другая дороже.

– Вот, ты, блин, все настроение испортил. Сам сидишь мрачнее тучи. Ты бы, Асланов выходной взял, развеялся, отдохнул. Я и без тебя справлюсь. Ребята вышколены тобой как в армии, дай им возможность себя показать.

Андрей с недоверием посмотрел на босса: "Неужели отпускает? Первый раз дает выходной сам. Может воспользоваться? Тогда я с Никой больше времени смогу провести. Торопиться не нужно будет. Завезу куда-нибудь и оттрахаю в машине, чтоб не так мозги закипали и член, чтоб колом не стоял. Заодно узнаю, что за хрен с ней встречается и потом причиндалы ему оторву".

– А знаете, Владимир Александрович, я возьму выходной. Как раз хотел сегодня с друзьями встретится на часок, а так можно и подольше.

Коршун с недоверием посмотрел на Андрея и прищурил левый глаз:

– Асланов, у тебя нет друзей. Сам говорил, что всех знакомых растерял пока в Америке жил. Что скрываем?

Андрей насторожился. Если сейчас не рассказать Коршуну правду – начнет подозревать. Он слишком мнительный и везде видит предательство.

– Бывшую жену вчера встретил. – Выдавил из себя Андрей и вновь почувствовал, как при слове "бывшая" дрогнуло сердце.

– Ого. Веронику твою, что ли? Где встретил?

– Случайно. На улице.

– Теперь понятно, почему мрачный такой. И как?

– Никак. Встретились, поболтали. Все у нее хорошо.

– Замужем?

– Говорит, что нет. Может и есть кто-то, но не муж точно.

Коршун тактично замолчал, это одна из его лучших черт характера – не лезет в душу, не выворачивает наизнанку. Оттого всегда хочется рассказать больше.

– Увидел ее, и словно не было этих четырех лет.

– Значит, с ней сегодня встречаешься? Зачем? Не ты ли мне говорил, что она тебе рога наставила с лучшим другом? Я тебя после развода по кусочкам собирал. Зачем, на те же грабли?

Андрей нахмурился. Сам знает, что босс прав. Не только на грабли, а еще в ту же яму.

– Любишь еще?

Вздрогнул. Закурил снова от предыдущей.

– Нет. Ненавижу.

Коршун усмехнулся, и расспрашивать прекратил. Автомобиль остановился у высотного здания с прозрачными стеклянными стенами.

– Пошли офис новый смотреть.

Две другие машины припарковались спереди и сзади. Трое ребят из охраны, вооруженные до зубов, окружили Коршуна плотным кольцом. Андрей осмотрел подчиненных критическим взглядом. Новенькому показал жестом, чтобы застегнул верхнюю пуговицу рубашки.

ГЛАВА 6

Ника нервно посмотрела на часы – полвосьмого. Светка забрала девочек десять минут назад, мама пошла к соседке. Сцепила пальцы – снова взгляд на часы. Скоро за ней приедет машина Джонсона. Андрей ее не дождется на Садовом, даже предупредить его не может, номера телефона бывшего мужа просто нет. Что подумает о ней? Продинамила? Будет звонить, но никто не ответит, а еще хуже мама трубку возьмет. Она не пожалеет, скажет, что Ника уехала. Душа рвется к Андрею, а разум холодом отрезвляет. Для нее важнее сделка, документы, которые пообещал отдать Владимир. Тимофеев обязательно позвонит, не сегодня – так завтра. К черту Асланова, что он может ей сказать? Разбередит рану старую, которая и так кровоточит. Так даже лучше, пусть разозлится и не звонит больше. Желательно никогда.

В дверь настойчиво позвонили. Ника завернулась плотнее в халатик и пошла открывать.

Распахнула, как всегда, не глядя в глазок. На пороге Иван – хозяин квартиры и с ним два странных типа. Оттеснили ее вглубь комнаты и закрыли дверь. У Ивана глазки бегают, лицо багровое от мороза. И разит пивом и рыбой.

– Ты это, когда деньги дашь?

Окатило ледяной волной, нехорошее предчувствие возникло сразу же едва типов в черных куртках увидела, – "Почему Иван пришел с этими?"

– Вань, я ж с тобой неделю назад говорила. Ты согласился подождать. Мне премию обещали, сразу за три месяца отдам.

Покосилась на двух странных дружков Ивана. Стоят, молча у двери. Один из них нагло осматривает ее голые ноги, не скрывая пошлого блеска в глазах.

– Мне сейчас надо. Хватит тянуть! У меня тоже планы имеются. Мне бабки нужны. Или сейчас заплатишь, или вали отсюда.

Ника удивленно смотрела на Ивана – не ожидала от него такой грубости, словно другой человек. Глаза бегают, на нее не смотрит. Видно, что нервничает.

– Ваня, ну подожди пару неделек, прошу тебя. Я обещаю заплатить.

Ника умоляюще заглянула ему в глаза, но тот отвел взгляд, попятился назад.

Один из дружков нагло ввалился в комнату, прошел к серванту, оставляя на ковре грязные следы. Остановился, открыл дверцу шкафчика, достал хрустальную вазу и вдруг швырнул на пол. Осколки битого стекла разлетелись в разные стороны.

– Вы что творите? – Вскрикнула Ника. Тип обернулся к ней и засмеялся.

– Упс – разбилась. Не отдашь бабки – все перебьем, повыносим барахло твое.

Ника побледнела, постепенно начиная понимать, что это вовсе не дружки Ивана, а те, кто выбивают деньги из должников. Неужели хозяин обратился за их помощью? Сумма вроде небольшая, наверно услуги этих шакалов стоят дороже.

– Пошли вон! Я сейчас полицию вызову!

Второй тип двинулся к телефону, в его руке блеснул нож, он резким движением перерезал провод.

– Давай – вызывай.

Хищная улыбка, оскал желтых зубов.

– А знаешь, Косой, может она с нами другим способом расплатится?

Они переглянулись и двинулись к Нике. Она хотела закричать, но один из них сцапал ее за шиворот и зажал рот рукой.

– Молчи, сучка. Мы с тобой поиграемся, а Ванька половину долга скосит. Да, Ванек?

Иван испуганно смотрел на них и тихо сказал.

– Эй, хлопцы, не надо. Попугали и хватит. Она отдаст. Да, Ника?

Серебрякова быстро закивала, с ужасом глядя на верзилу, в руке которого по-прежнему блестит нож.

– Не ссы, Ванек. Мы аккуратненько. Что у нас тут?

Он рванул ворот халатика и запустил лапу ей за пазуху. Ника дернулась, больно пнула верзилу по ноге.

– Косой, подержи. Она сопротивляется.

– Хватит! – Крикнул Иван – Мы так не договаривались!

– Заткнись! Тут такая красотка, тепленькая, в одних трусиках. Мы по-быстрому.

Косой схватил Нику сзади и закрутил ей руки за спину. Она изловчилась и укусила первого бандита за ладонь, тот взвыл, и с яростью посмотрел на девушку.

– Сука! Я тебе сейчас зубы выбью! Попишу твою рожу – глазом не моргну. Уймись, зараза!

Ника задохнулась от ужаса, когда лезвие ножа приблизилось к ее лицу. Бандит провел им по ее щеке, опускаясь к груди. Другая его рука скользнула под халат и облапила ее ягодицы.

– Э, да она только на вид худая – задница, что надо.

Его глаза похотливо заблестели, он наклонился и слюняво поцеловал Нику в шею, она вздрогнула от гадливости и от страха. Дикий ужас сковал все ее тело.

– Не дергайся, нож острый – попишу ненароком. Ванька, на шухере стой. Свистнешь, если кто припрется.

Когда бандит рванул на Нике трусики, она громко закричала, слезы бессилия покатились по щекам. Да ведь они сейчас ее изнасилуют прямо здесь, в ее собственной квартире. И ни одна тварь из соседей носа не покажут.

– Не надо, я прошу вас! Сегодня деньги будут! Я клянусь! – Умоляюще посмотрела на Ивана, но тот отвернулся. От него помощи не будет. Сам их боится.

– А на хер нам деньги? Я теперь другую плату хочу, а ты Косой?

– Угу, – пробубнил второй и скрутил руки Ники еще сильнее. Девушка почувствовала, как все плывет перед глазами.

Все случилось совершенно неожиданно. Кто-то выбил дверь, Иван с диким криком откатился по полу в сторону. В квартиру вошел Владимир в сопровождении двух ребят, он переступил через стонущего Ивана и остановился посреди комнаты.

– Отпустите девушку.

Бандиты с удивлением смотрели на странных посетителей. От неожиданности они разжали руки, и Ника упала на пол, отползла в сторону. Силясь прикрыться порванным халатиком. От шока свело судорогой все тело. Зубы стучат, как в лихорадке. Разум пока отказывается понимать, что происходит.

Владимир помог ей подняться с пола, укутал в свое пальто и усадил на диван.

– Не бойся, все будет хорошо. Они тебя больше не тронут.

Погладил по голове и обернулся к бандитам. Ника увидела, как его глаза сверкнули бешеной яростью. Она вжалась в диван, мечтая слиться с ним, исчезнуть. После всего, что произошло, тело все еще бьет мелкой дрожью, пальцы онемели от ледяного холода.

– Ни хера себе – это ж Коршун. – Пробубнил один из бандитов и попятился назад.

– Что за беспредел устроили, а братва? Кто подослал?

Владимир Александрович презрительно посмотрел на Ивана, тот все еще катается по полу. Сквозь пальцы сочится кровь.

– Она нам бабки за хату задолжала. Просили по-хорошему – не дает.

– Парни, заприте дверь. – Владимир обернулся к своим ребятам.

Телохранители Коршуна заперли дверь на ключ и снова стали позади босса.

– В мое время деньги так не выбивали. А с насильниками у меня вообще другой разговор. На зоне таких опускают.

Бандиты переглянулись, трусливо опустили глаза.

– Мы не собирались никого насиловать. Так, попугали немного. Ты, Коршун, все не правильно понял.

Владимир подвинул стул и, развернув его спинкой от себя, сел. Обвел комнату взглядом, задержался на осколках, а потом посмотрел на бандитов.

– Сколько денег должна?

– Полторы штуки. – Промямлил Косой.

Владимир достал портмоне, отсчитал купюры и швырнул на пол.

– Возьмите и свалите отсюда.

– Она еще за коммунальные задолжала. У нее свет скоро отключат.

Простонал Иван, зажав перебитую переносицу.

Коршун даже не обернулся к нему.

– В договор входят коммунальные услуги? – Спросил у Ники. Она постепенно приходила в себя. Зубы все еще стучат, взгляд застыл. Отрицательно мотнула головой.

– Значит так, вы тут сейчас все уберете, а потом уйдете и чтоб больше я вас здесь никогда не видел. Ни в этом доме, ни на этом районе. Что смотришь, Косой? Нашел веник и все подмел. А ты, как тебя там? Хозяин квартиры?

Иван ойкнул, когда его подтащили к Владимиру.

– Починишь завтра телефон, понял? По всем вопросам будешь звонить по этому номеру. К ней никогда, только ко мне. Ясно?

Иван кивнул и взял дрожащими пальцами визитку.

– Узнаю, что обидел – сотру в порошок. Бери бабки и вали отсюда.

Хозяин выскочил в коридор как ошпаренный. Ника в странном оцепенении наблюдает, как бандиты собирают осколки вазы с пола. Подметают, суетятся. Перепуганные, как шакалы, поджавшие уши и хвосты, переглядываются – в глазах страх. Ника посмотрела на Владимира, тот наблюдает за вышибалами со странным умиротворением. В глазах равнодушное безразличие.

"Кто он? Почему эти сволочи его знают? Не просто знают, они его боятся!" – Ника плотнее закуталась в шерстяное пальто. Руки все еще дрожат, пальцы холодные, одеревеневшие. Сердце бьется быстро-быстро, отголоски пережитого ужаса сковывают тело как колючая проволока. Бандиты стоят перед Владимиром, переминаясь с ноги на ногу. Убирать закончили. Переглядываются и ожидают приговора.

– Мы это…Мы закончили.

– Пине передадите от меня пламенный привет, скажете – теперь этот район мой. Если у него возникнут вопросы – пусть сам меня найдет. Девчонку тронете – зарою живыми.

– Коршун, мы ж не знали, что девка твоя.

Стул на полу, а Владимир уже сжимает толстую шею Косого.

– Не девка, а Вероника Алексеевна, понял?

Тот кивнул, выпучив глаза.

– Повтори, тварь!

Владимир надавил сильнее, бандит захрипел.

– Веро…ни…ка Але..ксее…внаааа.

– Правильно. Извинитесь и можете идти. Извинитесь – я сказал! – Голос Коршуна оставался спокойным, но в нем послышались металлические нотки.

Бандиты подошли к Нике, девушка дернулась назад, вжалась в диван, обхватим себя руками.

– Ты…

– Не ты, а вы, – поправил его Коршун и сел обратно на стул.

– Вы нас извините, Вероника Алексеевна. Попутали мы. Не хотели.

Ника кивнула, глотая слезы. Как не похожи эти двое теперь на насильников. Куда только делся их гонор и наглость? Стоят как побитые псы, дрожат от страха. Готовы ноги ей лизать. А Нике хочется одного, чтобы они ушли. Прямо сейчас. Никогда их больше не видеть. Закрыла лицо руками. Услышала, как захлопнулась дверь. Владимир подошел к ней, сел рядом. Словно плотину прорвало, зарыдала навзрыд. Почувствовала, как мужчина несмело сжал ее плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/byvshiy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить